

Слова любви из замысла и тайны
создали этот дивный Божий мир.

Запретный остров

Старые струны

Были опытны старые струны
В холодке у речной синевы
С той ромашкой, прелестной и юной,
Что меня целовала на вы.

Не в раю, не под дивной смоковницей,
Мне твой голос шептал под луной:
— Я хочу быть вашей любовницей,
Я хочу быть вашей женой.

Мне тогда это было забавно,
Вереницей промчались года,
С этой девочкой, юной и славной,
Мы расстались, увы, навсегда.

И теперь белоснежную горлицей
Ты влетаешь в мой сон голубой:
— Я хочу быть вашей любовницей,
Я мечтаю быть вашей женой.

Налетели осенние ливни,
Разметали красу с тополей,
И слова твоей просьбы наивной
Нынче стали молитвой моей.

Не в раю, не под стройной смоковницей,
Чей-то шепот, как прежде, со мной:
— Я мечтаю быть вашей любовницей,
Я мечтаю стать вашей женой.

Прожил зря или не зря

Я люблю уста желанные,
Чтоб весна — со всех сторон!
Чтоб девчонки были пьяные

И гитарный перезвон.

К черту этих, что с вопросами!
Я люблю, что любят все:
Чтобы звезды под колесами
И — по встречной полосе!

Чтобы губы, губы алые...
Скорость, Господи, спаси...
Чтобы деньги и немалые —
Только спичку поднеси!

Жизнь свою — облей канистрою...
Не догнать и не спасти...
Чтоб залетной тройкой быстрою —
Вдоль по млечному пути.

Русь веселая, раздольная!
Я люблю, чтоб в пол педаль!
Чтоб луна, подруга вольная,
По снегам летела вдаль.

Не поймут сердца усталые
На обочинах шоссе.
Только губы, губы алые...
И — по встречной полосе!

Помнишь юность, помнишь платьице?
Помнишь волю — пей, гуляй!
Солнце по небу покатится,
Хоть ладони подставляй.

Время — тучами несметными...
Прожил зря или не зря?
Над снегами многоцветными
Предпоследняя заря.

Вспыхнут звезды долгожданные,
Я люблю, что любят все:
Чтоб девчонки были пьяные
И по встречной полосе!

Слова любви, любви таинственной

За что казнишь, о Боже правый?
Ни звезд, ни ласки, ни пути...
Клубится ночь над переправой,
И ничего нельзя спасти.

Слова любви, любви таинственной
Растают, как мираж, в стране обманной;
Сначала вдруг исчезнет «мой единственный»,
Потом навеки канет «мой желанный».

И в этот горький миг прозренья,
Миг мрака после синевы,
Все мужество и все смиренье
На помощь призовете вы.

О, где же вы, слова любви таинственной?
И только память купиной неопалимой...
— Разбились наши звезды, мой единственный!
Погасло наше солнце, мой любимый!

И чей-то чуткий взгляд участия,
Когда все прошлое — дотла;
И снова хрупкий остров счастья
Кочует в вечном море зла.

Всю ночь летит по шпалам лес безлиственный,
А в сердце слышен голос, голос тайный:
— Ты был когда-то прежде мой единственный,
Теперь прощай навеки, мой случайный!

Донжуанский список

Подходя плотней к пределу,
Мы итожим свой багаж,
Вспоминая то и дело
Донжуанский список наш.

Кто шумливей на насесте?
Кто счастливей под луной?
У кого-то их за двести,
У кого-то ни одной.

Все — и гений, и каналья —
За приманкою числа,
И у Пушкина Наталья
Сто тринадцатой была.

Наших тайн никто не знает,
Тем не менее, всегда
На челе у нас сияет
Эта цифра, как звезда.

Кто поет для нас с эстрады,
Кто сидит за нас в тюрьме —
Всюду цифры, как награды,
Нежно светятся во тьме.

Наша скрытность — не кольчуга,
А дырявый перемет,
Стоит глянуть друг на друга,
Зрячий мигом все поймет.

Кто шумливей на насесте,
Кто счастливей под луной?
У кого их было двести,
Кто ни разу ни одной.

Где отмычки, там и двери;
Из ушей торчит совет,
Но никто из нас не верит
В этот правильный ответ.

Где ж вы, тайные кольчуги
И ночные стремена?
И ножами вольной вьюги
Убиенная весна?

Что открылось в благовесте
За могильной тишиной?
На зачатом лобном месте
Кто счастливей под луной?

Я вам тайны не открою,
Я советов вам не дам,
Кто же счастлив в этом мире,
Я давно не знаю сам.

Никогда не сожалея
О потерянной заре,
Кто там бродит по аллее
В нежилом монастыре?

Подходя плотней к пределу,
Мы итожим свой багаж,
Обновляя то и дело
Донжуанский список наш.

Ты не в счет, ты просто ветер

Все, что было, все, что будет,
Бог когда-нибудь рассудит.
Он все знает, он все видит с вышины.
Ветер молит розу: «Дай мне
Рассказать тебе о тайне,
Не моей, а мне приписанной вины».

Но она не отвечает,
Лишь головкою качает:
— Я не верю, понимаешь, и не жду.
Я одна теперь на свете,
Ты не в счет, ты просто ветер,
Ты найдешь себе цветок в любом саду.

Все всерьез: седые пряди
И застывший крик во взгляде,

И ни вздоха, ни намека, ни пути.
Ветер вьется в чистом поле,
Хриплый голос полон боли:
— Неужели ничего нельзя спасти?

Все, что было, все, что будет,
Смерть когда-нибудь остудит —
Только ей я дам последний свой ответ.
И она корить не станет,
Не обидит, не обманет,
Скажет: «Хватит! виноватых больше нет».

После нас на той же сцене
Сотни тысяч поколений
Будут жечь себя и мучить в свой черед.
И в любой душе мгновенной
Вся краса и блеск вселенной
Отразится, просияет и умрет.

Все, что было, все, что будет,
Мир когда-нибудь забудет,
Сам себя и свой итог сведет к нулю.
Только в памяти нетленной
В час крушения вселенной
Прозвенит на миг неизвестное: люблю!

— Лишь одну тебя любил я и люблю.

Сломанная веточка

Раскидистое дерево дороги.
И в нем одна лишь веточка сломалась —
Та, что ведет к подъезду твоему.

Девочка моя, как же ты далеко

Девочка моя, как же ты далеко...
Песни мои болью полны.
И гитарной струне оживить нелегко,
Оживить позабытые сны.

Твой крестик нательный мне к сердцу приник,
Только пальцы цветов не сомнут.
Это шутка твоя нас связала на миг
И распалась цепочка минут.

Девочка моя, как же ты далека...
Да спасет тебя горний рассвет.
Не догонят тебя ни струна, ни строка
В девятнадцать чарующих лет.

Ты свой крестик нательный снимала с меня
И в глаза мне глядела, смеясь.
И февральская ночь закатилась, звеня,

И зарю в полнеба зажглась.

Ты исчезла вдали, как напев ветерка,
Только праздник в душе не затих.
Да спасет тебя Бог от меня, старика,
И от песен обманных моих.

Интермеццо

Интермеццо — это музыкальная пьеса,
которая исполняется в перерыве

На обрыве у леса
Ворон хрипло кричит.
Что за странная пьеса
В перерыве звучит?

Не найти, не измерить
К тайне взорванный мост.
Невозможно поверить
В неприкаянность звезд.

Кто же здесь верховодит?
Кто подводит итог?
И в президиум входит
Тяжкой поступью Бог.

Все апостолы пьяны,
Все мадонны в слезах,
Под распятым стеклами
На разгульных ветрах.

С глаз упала завеса,
Ворон снова кричит.
Что за странная пьеса
В перерыве звучит?

Облака, как солдаты.
Как наживка, весна.
И кочуют закаты,
И любовь, как блесна.

Не найти, не измерить
К тайне взорванный мост.
Невозможно поверить
В неприкаянность звезд.

С двух сторон на обрыве.
На кого опереться?
Мы живем в перерыве,
Наша жизнь — интермеццо.

Стюардесса

Чао! От винта! Шеннон — Гавана.
И поднос плывет в твоей руке,
А в бокалах звездная нирвана
И луна на тонком стебельке.

Я в любви все тот же безбилетник,
То аншлаг, то полный перекур.
Привези мне, Ленка, двухкассетник
Из страны далекой Сингапур.

Я на нем поставлю эту пленку —
Ни догнать, ни вспомнить, ни спасти —
Про одну знакомую девчонку,
Что живет у млечного пути.

Ты опять счастливей всех на свете —
Южный пляж, бикини и гламур.
Привези мне, Ленка, южный ветер
Из страны далекой Сингапур.

Под крылом небесные свирели.
Остров Сал — в созвездии твоём.
А потом, как прежде, на неделю
Мы с тобой в Аксаково махнем.

Там, где счастье светится в тумане,
Где живется сладко и легко,
Где ночной мираж гостит в стакане,
И гитарой бредит Шурико.

И опять: Шеннон — Гавана — Лима,
Пересменок, Мальта и Дакар.
Но влечет к себе неодолимо
Этих милых дней родной угар.

Над осанной небо голубое,
И на нем твой след, как белый шнур.
Привези мне, Ленка, шум прибоя
Из страны далекой Сингапур.

Гарсиа Лорка

И снова крик: на абордаж!
Ночных потерь, рассветных краж...
Предсмертных улиц след... По чьей вине,
Гарсиа Лорка, свет погас в твоём окне?

В последний раз
Весна цвела гитарным звоном,
И стал напевом похоронным
Расстрелянный рассвет.
Кто дал приказ?

И в тот же миг заката створки
Остановили сердце Лорки
В расцвете лет.

Вот мир щеколд, вот мир дверей,
Вот мир святынь и лагерей,
И стадо цезарей со всех сторон
Гусиным шагом переходит Рубикон.

А во дворце
Крутил усы диктатор Франко
И с ним прекрасная испанка,
И Сальвадор Дали,
А в их глазах
Уже маячил миг расплаты,
И извивались циферблаты,
Простерты в пыли.

Он мог отдать такой приказ
Одним движеньем властных глаз.
И нет свидетелей. Молчит Пилат.
И пьет цикуту не отрекшийся Сократ.

А во дворце
Король и проходные пешки
И вечный спор орла и решки:
Кто в этом мире прав?
Опять мечты...
Любовь и ты, а третий лишний...
И снова козыри Всевышний
Сует себе в рукав.

Художник прав: мы в западне,
А на холсте — жираф в огне.
Продажных улиц блеск опять в цене.
Жираф стоит, как будто спит, жираф в огне.

А во дворце
Всю ночь шумел диктатор Франко
И с ним прекрасная испанка,
И Сальвадор Дали,
А в их глазах
Уже маячил миг расплаты,
И извивались циферблаты,
Распяты в пыли.

Таков наш мир, таков наш крест,
Где взгляд невест, как благовест.
Монета падает — подставь ладонь.
Жираф горит, но он не знает про огонь.

Звезда Испании

Этот праздничный сон
в нас упавшего зимнего леса.

Жена вернулась наглая

Жена вернулась наглая,
красивая, счастливая,
И странно золотились
следы ее вдали.
И колдовские молнии
по комнате змеились,
И прямо на паркете
тюльпаны расцвели.

Конечно, там роскошные
лужайки и беседки,
Там пальмы и магнолии
ласкает млечный хор,
Там море в белых вымпелах,
но только, если честно,
Не могут эти мелочи
зажечь такой костер.

Ведь что же получается?
Прошло уже полмесяца.
Она посуду моет —
и Шумана поет;
Она выносит мусор —
глаза, как звезды, светятся.
Ведь это ж ненормально,
любой меня поймет.

Как крестный ход с иконою,
как сад порою вешней,
Как душу напоившая
желанная гроза...
И вьются над кострищами
живые души грешниц,
Лишь ангелы безгрешны,
да в церкви образа́.

Бывает в жизни всякое,
когда прямой наводкою,
Когда в незрячих сумерках
мы мечемся, дрожа.
Она вошла, как таинство,
светящаяся, кроткая,
Да вот беда, споткнулася
о лезвие ножа.

Лунным соком брызнули портьеры

В душу льется дивный белый снег,
И теряет контуры столица.

Все, что было, умерло навек.
В сердце перевернута страница...

Городская тайная тропа
Под ночными крыльями созвездий
Нас уносит в дивный снегопад
В маленьком, как гнездышко, подъезде.

Ах, как манит боль тех милых лет.
Все украли белые снежинки.
С неба льется тихий горний свет
На давно исчезнувшей тропинке.

Гасит свечи свадебный пожар,
Лунным соком брызнули портьеры,
Призрачные тени двух гитар —
Наших февралей секундомеры.

Все смешалось: звезды, снег и свет,
Эта ночь вовек не повторится.
Все, что было, кануло навек.
В сердце перевернута страница...

По дорогам смерти и любви

По закатам со смертельными потемками...
Там, где чудится: прости и оживи!..
Бродят странники со странными котомками
В ожиданьи смерти и любви.

Под знакомыми февральскими снежинками,
У костра, что выжигает все дотла,
Мы его кормили днями-хворостинками,
А в запасе только дюжина была.

Там, где день идет за год, где маски сорваны,
Ты запомни в пляске бешеной реки
Чуть намеченную тонким светлым контуром
Нашу нежность без касания руки.

Отзвенела ночь отвагой шестиструнную,
С бубенцами у победного крыльца,
Чтобы нежностью то млечною, то лунною
Исцелять бессонные сердца.

Но взметнулись звезды юные, случайные,
Заманили в пляску бешеной реки,
И затмили дни и ночи, ночи тайные,
Нашу нежность без касания руки.

То с распятым, то с отпетыми мадоннами,
То с иконами у Спаса на крови
Бродят странники со странными котомками

По дорогам смерти и любви.

Краски вчерашнего дня

Гитары плач исповедальный

Чужой весны в чужом раю...
Тебя окликнет взгляд прощальный...
И вновь у бездны на краю
Гитары плач исповедальный.

О, как легко все потерять!
И только юная фиалка
Гитаре грезится опять,
И гитариста ей не жалко.

По алым лезвиям минут
Матерый волк бежит, хромая.
Где был мой дом — чужой уют,
Чужая пристань городская.

Так пожалейте старика!
Вам поцелуй — такая малость!
Уж сколько лет моя рука
Коленей женских не касалась.

Любви и нежности порыв,
Закатный луч и шелест платья.
Но лишь гитары стертый гриф
Мне отвечает на пожатье.

Чужой весны в чужом раю...
Взгляд промелькнувший... миг прощальный...
И вновь у бездны на краю
Гитары плач исповедальный.

Не мужик мне нужен, а возлюбленный

Шаг от волшебства до воровства...
Доли, одиночеством загубленной...
Чьи-то еле слышные слова:
— Не мужик мне нужен, а возлюбленный.

Господи, тебе ли выбирать!
Горький луч зашкаливает бешено.
Каждого прими как благодать,
Кем хоть раз согрета и утешена.

Призрачен архангелов полет
В вечную разлуку, в даль обманную...
Стрелки часовые... крестный ход...
В тайную страну обетованную.

И опять во власти колдовства:
— Дай отпить из чаши непригубленной!
Горькие, бессонные слова:
— Где же ты, мой милый, мой возлюбленный!

Сколько их пришло из темноты?
Сколько отошло порою вешнею?
Гибельной, смертельной красоты
Свечи пред иконою нездешнею.

Не дано ни вспомнить, ни понять...
Жгучий луч опять трепещет бешено.
Каждого прими как благодать,
Кем хоть раз согрета и утешена.

А когда остынет синева,
Вспыхнут над иконою погубленной
Дивные, бессмертные слова:
— Милый мой,
 желанный мой,
 возлюбленный...

Вещие, кабацкие струны двух гитар

Вещие, кабацкие струны двух гитар
Пеплом этой ночи отзвенели.
Ты прости, любовь моя, пьяный перегар,
В сердце только вьюги да метели.

Все, что было, кануло — нет пути назад.
Боль-тоска без прикупа любви.
Ах вы, ножки девичьи, яблоневого сада,
Юбочки-оборочки твои.

Отзвенят стаканы в первый день весны,
Захлебнутся криком похоронным.
У гитар недаром струны сплетены
С заунывным колокольным стоном.

Параскева-Пятница, свечи у икон,
Ночь-тюрьма без прикупа любви.
Ах вы, ножки девичьи, яблоневого сна,
Юбочки-оборочки твои.

Вещие, кабацкие струны двух гитар
Пеплом этой жизни отзвенели.
У престола вечности, как последний дар,
Догорают звездные метели.

У престола вечности, как последний дар,
Гаснут наши тайны и апрели.

Наполеоновские планы

Наполеоновские планы...
Нас манит дерзкая весна.
Сперва нас ждут моря и страны,
Потом нас ждет Березина.

Христос сказал: «За мной, ребята!
Я компас истины нашел».
А Понтий, римский прокуратор,
Ему Варавву предпочел.

Апостол Павел величаво
Рассеет тьму, развеет мрак,
Где инквизитор скажет: «Чао!»
Святой колдунье Жанне Д'Арк.

Когда любой валет трефовый,
Чтоб сердце золотом ласкать,
Мог объявить поход крестовый
И гроб Господень отыскать.

Они с утра войдут и скажут
О новой участи вождя,
И нас к кресту навек привяжут
Четыре ржавые гвоздя.

Упали звонкой славы стены,
Одеты пеплом и тоской,
На островке Святой Елены,
Где лишь безвестность и покой.

Пусть тем, кто верует, как дети,
Напомнит песенка моя:
Любая истина на свете
Одета в облако вранья.

Мы суетимся, все нам мало,
Растет трава высотных стен,
А там, у дальнего причала,
Нас ждет толпа святых елен.

Наполеоновские планы...
Непоправимая весна.

Сперва моря и океаны —
Потом река Березина.

Любовь на кладбище

Бывает так, о Боже мой,
Что вмиг растает лед.
Любовь на кладбище зимой —
Не каждый нас поймет.

Февраль по пояс навалил,
А здесь — как в майский день:
Среди заснеженных могил
Тюльпаны и сирень.

Сверкает солнце в высоте,
Лучи — во все концы.
А под землю в темноте
Тоскуют мертвецы.

Мы мчимся алою зарей,
И Бог сказал с небес:
— Друзья, им скучно под землей,
Им тоже нужен стресс.

Церквей качаются венцы,
Метелями звенят.
Любовь и смерть, как близнецы,
Закроют нам наряд.

Ты, как мечта моя, светла,
И этот мир для нас.
Тропинка к кладбищу вела
И вдруг... оборвалась.

Февраль по пояс навалил,
А тут звенят ручьи.
Среди заснеженных могил
Весна и соловьи.

Настанет день, когда и я —
Ведь всем нам суждено...
И отнесут меня друзья
Туда, где все равно.

Одно вам завещаю я,
Завет в душе горит:
Пусть кто-нибудь из вас, друзья,
Мой подвиг повторит.

И я пойму из-под земли
В холодный зимний день,
Что надо мною расцвели

Фиалки и сирень.

Земля, как вечный пьедестал,
Мгновенья не вернуть
Для тех, чьим памятником стал
Бездонный млечный путь.

Пусть канет снежная печаль,
Когда в душе весна.
На трех машинах мчится вдаль
Веселая шпана.

Охапки ландышей слепят,
Звенит метель из роз.
Перед иконами горят
Лампады наших звезд.

Церквей качаются кресты,
Весна со всех сторон,
В краю удачи и мечты
Летит наш эскадрон.

Мы мчимся вдаль, и в пол педаль,
И все мы влюблены.
И тает снежная печаль
Под заревом весны.

Бывает так, о Боже мой,
Завет в душе горит.
Любовь на кладбище зимой —
И Бог благословит.

Песня любви до конца перемотана

Я проиграл. Обманули цыганские карты.
Стелется дым за порогом моей старины.
Чья это гибель во взгляде влюбленной Астарты?
Чей это пепел на хрупких весах тишины?

Тайна заката из золота соткана.
Старый кассетник, ты жив до сих пор.
Песня любви до конца перемотана,
Завтра последний немой разговор.

Есть у любви эти страшные крайние сроки.
Рушатся стены, и крыша срывается вниз.
Кто этот фокусник, этот насмешник жестокий?
Чей это праздник, и чей это тайный каприз?

Лунная нежность из горечи соткана.
Козыри черви... обманный узор...
Песня любви до конца перемотана,
Тихий прощальный струны перебор.

Не надо, не ищи меня

У каждой тайны два лица,
И мы явились в мир подлунный,
Чтобы на части рвать сердца
И их нанизывать на струны.
Любовь и смерть, как облака,
В немой тиши бесследно канут.
И лишь струна, да с ней строка
Тебя вовеки не обманут.

Еще вчера при свете дня
Все восхищались: что за пара!
А нынче: «Не ищи меня!» —
Уже поет моя гитара.

Я много раз был рад весне,
Легко менял слова и маски.
Лишь ты одна сказала мне,
Что я волшебный принц из сказки.
Какой я принц? — ведь я алкаш,
Полупоэт, полубродяга,
Тобой придуманный мираж,
Корабль без компаса и флага.

Какой я принц? — ведь я же вор,
И этот блеск насквозь поддельный.
Небесный царь, как прокурор,
Ведет меня тропой смертельной.
Цыганский хор, устав стонать,
Пророчит дальнюю дорогу.
Ты ж ничего не хочешь знать,
И просто веришь мне, как Богу.

А кто не впишется в вираж,
Очнется там, где сны и тени,
И наша сказка, наш мираж,
Растает, как дымок осенний.
Мой замок рухнет, как во сне,
Все ближе грозный час развязки.
И ты в ту ночь шепнула мне,
Что я последний принц из сказки.

Ведь у иконы два лица...
И мы явились в мир подлунный,
Чтобы на части рвать сердца
И их нанизывать на струны.
Любовь и смерть, как облака,
В немой тиши бесследно канут.
И лишь струна, да с ней строка
Тебя вовеки не обманут.

Еще вчера при свете дня
Все восхищались: что за пара!
А нынче: «Не ищи меня!» —
Уже поет твоя гитара.
«Не надо, не ищи меня!» —
Теперь поет твоя гитара.

Поцелуи на петляющей лыжне

Остались в прошлом зимние рассветы
И поцелуи на петляющей лыжне,
Где я все козыри швырял, как самоцветы,
Чтоб эти глазки улыбались только мне.

Прощай, дом отдыха! Прощайте, две недели!
Тюльпаны солнца и обманчивая даль...
А через месяц бесшабашный звон капели
Сотрет из памяти и нежность, и печаль.

Заколдованный рояль

Бывают женщины — вы даже не поверите,
Как тот забытый, заколоченный рояль
Из дорогого сумрачного дерева,
Где тайно светится надежда и печаль.

А сказка не имеет срока давности,
Но кто ответит сердцу: позови!
И клавиши, и струны — все в исправности,
Но не касалась их еще рука любви.

На шаткой пристани о звездах и о таинстве,
О гордых принцах и жемчужных городах...
В притонах нежности мелькнуть покорной странницей
И закружиться в поцелуях и мечтах.

Слова любви — и сказки нет изысканней...
В разбитых стеклах замков и карет,
В ином столетии, у той бессонной пристани,
Где в души льется несказанный свет.

Кто нас бросил на сцену

Мы пришли ниоткуда
и исчезнем в назначенный час.
Нам завяжут глаза
чередой февралей и апрелей.
Чем же держится мир?
красотой непридуманных глаз,
Погружаясь в часы
и тревоги придуманных целей.

Там, где жажда дорог
и колодец отравленных слов,

К рубежам миражей
 нас ведут, как стада к водопою.
Пулеметы сомнений
 строчат мимо наших голов,
Чтоб случайною пулей
 смертельно задеть нас с тобою.

Пересохшие реки
 глотают дорожную пыль,
Вспоминая ликующий май
 и зеленые чащи —
Там, где бывшие птицы
 несут свои крылья в утиль,
Чтоб взамен получить
 отрывные талончики счастья.

Кто же здесь верховодит?
 Кто душу зажег, как костер?
Кто заставил нас петь
 и хрипеть, надрываясь натужно?
Кто нас бросил на сцену,
 построив небесный шатер?
Пусть войдет режиссер —
 пусть расскажет, зачем это нужно.

Мы проходим сквозь жизнь,
 перекупщики краденых слов —
Переулками душ,
 до конца отработанных штолен.
Позолота надежд
 облетела с живых куполов
Под предательский звон
 уцелевших в душе колоколен.

Каждый чем-то дешевым
 наполнил свои погреба.
А кругом во дворцах
 блеск богатств, не замеченных нами.
За последний шлагбаум
 нас молча проводит судьба,
А за нашей спиной
 полыхает транзитное пламя.

Мы пришли ниоткуда
 для того, чтоб уйти в никуда.
В безответной глуши
 оборвется твоя серенада.
Эта песня в душе
 догорит, как ночная звезда,
Как минутная боль
 бесконечного звездного сада.

Так и песня души —
отзвенит и замрет... без следа...
Превращаясь в напев
облетевшего звездного сада.

Где бы мне купить билет

Веселый покер шторма и причала,
Танцуют скрипки, дождь и контрабас,
Цветут сады за гребнем перевала —
Как жаль, что это больше не для нас!

Где бы мне купить билет
В тот весенний сад?
Где мои семнадцать лет —
Тридцать лет назад!

Мир огромный, как окно
В будущий рассвет,
И в любовном казино
Первый вкус побед.

Крупье сказал: мираж порою вешней —
Он нам дороже тысячи чудес.
А наши девушки, как сладкие черешни,
В лукошко ласки падают с небес.

Сердце рвется напрямик
К солнцу в синеву —
Чтобы тот весенний миг
Вспомнить наяву.

Сквозь метель ползет луна,
Заметая след.
А в душе гремит весна,
Как в семнадцать лет.

Веселый покер цели и штурвала.
Кому пора с дистанции сойти?
А ветер рвет афиши карнавала,
Сметая деньги, пыль и конфетти.

Денег нету — ерунда,
Можно и занять.
Хуже если, вот беда,
Некого обнять.

Где бы мне купить билет
В тот весенний сад?
Где мои семнадцать лет —
Сорок лет назад!

Рваные ботиночки

Метались огни ресторанный зала

Метались огни ресторанный зала,
Клубился и жег бриллиантовый дым.
И смерть еле слышно, но внятно сказала:
— До завтра гуляйте, а там поглядим.

В этом вихре алых роз
Горе в радугу вплелось,
Все, что свято, все распято,
Все в душе оборвалось.

Кайафа и Анна плели свои сети,
Над злобной толпой цепенели огни.
И медлил Пилат под прицелом столетий,
А черная площадь ревела: распни!

На цепочке у дверей
Жил один чудака еврей,
Что наигрывал на скрипке
Песни дальних лагерей.

Удача, как пуля — за ней не угнаться,
И падали звезды в кромешную тьму.
Вам выпала доля: любить и смеяться.
А крест на Голгофе — лишь мне одному.

Под конвоем алых рек
Знает каждый дровосек:
Шаг налево, шаг направо
Называется «побег».

Какой режиссер эту пьесу поставил?
Какие актеры решились играть?
Чтоб все повторилось — как Каин и Авель,
Чтоб снова отречься и снова распять.

Там, где алая заря
В облаках из янтаря,
Танцевали вертухаи
Светлый танец октября.

Метались огни ресторанного зала,
Клубился и жег бриллиантовый дым.
И смерть еле слышно, но внятно сказала:
— До завтра гуляйте, а там поглядим.

И опять идет игра,
И спелят прожектора,
И тасуют наши карты
Записные шулера.

С нами крестная сила

С нами крестная сила Господня!
Да не каждого крест уберег.
Это было вчера и сегодня
На распутьях незрячих дорог.

Ночка темная рассыпала

Ночка темная рассыпала
Цвет вишневый у дверей.
Мне ж какая карта выпала —
Вся колода козырей.

Ой вы, козыри крапленые,
Словно в поле васильки.
Золотые, забубенные
Развеселые деньки!

Подобрали к тайне ключики
Подоспевшие орлы —
Заломили белы рученьки,
Заковали в кандалы.

Ах вы, звезды магаданские!
Жизнь, как ветер, пронеслась,
Наши козыри цыганские
Со стола сметая в грязь.

Просияв закатным золотом,
Расплескались, не сбылись...
В дальней зоне песни Козина
Отзвенев, оборвались.

Ты, не надо, не тревожь его.
В сердце горечь и зола.
Покатились с храма Божьего
Золотые купола.

И свеча из пальцев выпала.
Дом без окон, без дверей.
И метель навек засыпала
Всю колоду козырей.

Чьи-то рваные ботиночки
Нас простят и помянут.
На Охотском море льдиночки
В белых саванах плывут.

А вдали, где липы с кленами,
Засверкают огоньки:
Золотые, забубенные,
Развеселые деньки!

Молю тебя, царевич мой

Памяти цесаревича Алексея

Ах розы, розы красные
затоптанного снега...
Дотла сгорела ризница
у Спаса на крови...
Анютиными глазками,
живым сияньем неба...
Молю тебя, царевич мой,
прости и не кори.

Промчались сизым облаком
все те, что мною преданы...
Обманутые соколы,
вчерашние огни...
В сырой земле заступнице,
в обители неведомой...
Молю тебя, царевич мой,
спаси и осени.

Зарю незакатною
да тайной неоплатною...
Гвоздями прежней горечи,
застывшими в груди...
Россию подвенечную,
на всех крестах распятую,
Прошу тебя, царевич мой,
прости и пощади.

До половины пройдено,
за поворотом брошено.
Промчались вьюгой бешеной,
как тени без лица.
Гуляй, тоска кабацкая!
не сеяно, да скошено.
Шальная пуля — верная
подруга молодца.

Фатою-плащаницею
последнего ночлега...

Охрипшей дикой вольницей
 над омутом любви...
Анютиными глазками,
 живым сияньем неба...
Прошу тебя, царевич мой,
 спаси и призови.

Прости за ночь последнюю,
 холопским залпом смятую...
Своей молитвой дивною
 слепых благослови.
Россию подвенечную,
 на всех крестах распятую,
Молю тебя, царевич мой,
 прости и оживи.

Я не скажу им: скатертью дорога

Я не скажу им: скатертью дорога!
Пуškai, мол, катятся, теряясь в пене дней...
Печален путь, отрекшихся от Бога,
Отрекшихся от родины своей.

Мы с ней гуляли дивными ночами.
Ее я в Люберцы частенько провожал.
Теперь она за синими морями —
Куда их всех умчал девятый вал.

Что говорить — они живут богаче,
Они в двойной купаются мечте.
А я привык и не могу иначе,
Чем здесь, в родной советской нищете.

Когда струна от горечи порвется
И приютит чужая сторона,
Церковным звоном в сердце отзовется:
Законов много — родина одна.

Я не скажу им: скатертью дорога!
Пуškai, мол, катятся, теряясь в пене дней...
Печален путь, отрекшихся от Бога,
Отрекшихся от родины своей.

Мы с ней гуляли летними ночами.
Ее я в Люберцы частенько провожал.
Теперь она за синими морями —
Куда их всех умчал девятый вал.

Влюбленный вкрадчивый июль

Смотри — на твой воротничок,
Подобно ласковой пушинке,
Какой-то глупенький жучок
Упал с качнувшейся травинки.

Влюбленный, вкрадчивый июль
В лесу нам дарит без огласки
Прохлады легкий поцелуй
И все цветы запретной сказки.

И хочется бездумно плыть
Сквозь сон листвы, любви и лести...
Но через час нам надо быть
Обратно на рабочем месте.

Перед вечным престолом

Ставни хлопнули вдруг и слились,
Отсекая цветущую явь...
Стань над горем своим, подымись,
Лебединые крылья расправь.

Он теперь далеко-далеко,
Где смолкает круженье минут...
Там, где сердцу светло и легко,
Там, где звезды и вечный приют.

Из проталин январской Москвы
Есть тропинка в безбольный ночлег.
Перед вечным престолом, увы,
Мы снежинки и таем, как снег.

Три подружки в секретном НИИ

Под лапами автобусов асфальтовые змеи,
Густые пальцы давки и плечики твои...
Три юные ромашки, три ласковые феи
Мелькнули в коридоре секретного НИИ.

Из ароматных сумочек вспорхнули их расчески,
Слова им подарила влюбленная весна,
Заколосились в зеркале лукавые прически,
И чиркали о кафель мужские имена.

И жизнь была мгновенна, легка и интересна,
И в сердце прыгал зайчик по имени «успех».
И было сладко думать, что только мне известно,
Чье имя в это утро звенело чаще всех.

Ожерелья, легенды, наряды

Ожерелья, легенды, наряды,
Обещанья, обманы и боль...
Завернув свою жизнь в листопады,
Где-то тихо стареет Ассоль.

Подожгите все листья у клена,
Уберите из кадра весну,

Разорите гнездо микрофона,
Подарите душе тишину.

Капитан, ты на мостике славы —
Одинокий, как Бог в небесах.
Ты забыл, как вчера для забавы
Сказку выдумал о парусах.

В мире сказок нет места ошибкам,
Только мы не умеем так жить.
В этом мире, прекрасном и зыбком,
Можно только денек погостить.

Ожерелья, легенды, наряды,
Как листва, облетят чудеса.
Дарят золото нам листопады,
Отбирая у нас паруса.

Погасите софиты и звезды,
Декорации киньте на двор.
Раз нельзя переснять эпизоды,
Значит, больше не нужен актер.

Где ж вы, прежние краски и кисти?
Тает в дымке забытый рассвет.
Словно дождь на танцующих листьях,
Замирает последний сюжет.

Золотой ключик для Верочки

Говорят, что дядя Вова
Пишет очень бестолково.
У него в стихах обычно
Много всякой чепухи.
Но сегодня он собрался,
Сел за стол и постарался,
Чтоб для Верочки придумать
Развеселые стихи.

Тигры бродят по арене,
Клоун прыгает по сцене,
И украдкой за кулисы
Пробирается Пьеро,
Потому что в мире этом
Всюду есть замки с секретом,
Всюду тайны и загадки,
Все устроено хитро.

В это время из-за тучек
Золотой скатился ключик
И упал — ведь это ж надо! —
Прямо Верочке в карман.
Тот, к кому он прикоснется,

Неприменно улыбнется.
Это правда! Это точно!
Это вовсе не обман!

Если мама заругает,
Ключик тоже помогает:
Надо к мамочке прижаться
Вместе с ключиком тайком —
И она вдруг улыбнется,
Запоеет и засмеется,
И тогда пойдет веселье,
И запляшет целый дом!

Вот ноша на плечах

Вот ноша на плечах. Зачем она тебе?
Зачем тебе постыдная привычка
Таскать ее повсюду за собой?

Погасли звезды. Капельки дождя
Нарисовали чей-то тонкий профиль.
Печальные глаза зажглись в саду
Когда-то не исполненных желаний;
Зловещий ветер гнул колосья славы,
И жалко улыбнулась обреченность:
— Никто из нас не волен сбросить горб.

Был чуток миг

Был чуток миг и краток свет,
Об этом некому и не с кем...
И будет долго гаснуть след
В Москве и Северодонцеке.

И ничего нельзя сберечь,
Лишь на воде круги и пена;
Пусть припадет к иконам встреч
Все то, что зыбко и мгновенно.

О, бесконечность красоты,
Открывшей грудь твою и плечи.
И, как вьюнок, обвилась ты
О безнадежность этой встречи.

Говорила мне цыганка

Заблудился Петя в чаще
запертых дверей,
Не хотел он дожидаться,
он хотел скорей.
Он терпел, терпел и хапнул —
бабы довели.
В ночь под новый год за это
Петю замели.

Говорила мне цыганка:
«Не горюй, сынок,
Если за тобой заедет
черный воронок.
Знаю: ждет тебя удача —
ты не пропадешь.
Раньше сядешь, раньше выйдешь —
и свое возьмешь».

Жизнь, как огненная вспышка,
в сердце гаснет след.
Где ж вы, юные подружки
тех веселых лет?
Пете горько и обидно —
встреча не близка,
Он теперь не вольный сокол —
он теперь зека.

Говорила мне цыганка,
оправляя шаль:
«В этой жизни, кроме счастья,
ничего не жаль.
Торопись, покуда молод
и верна рука —
Годы юности промчатся,
словно облака».

Все запоры, рассыпаясь,
падали к ногам,
Липли девки молодые
к бешеным деньгам.
А теперь на грязных нарах,
в горькой тишине,
По ночам ласкает Петю
лишь луна в окне.

Обещала мне цыганка
счастье и любовь.
Ой вы, козыри ночные,
молодая кровь!
Нынче кануло навеки
все, что я люблю.
Жизнь на шее затянула
мертвую петлю.

Если ворон трижды крикнет,
значит, быть беде.
Дома Петина гитара
стынет на гвозде.
Даже стрелки часовые
замедляют ход

Там, где Петя Рабинович
встретил новый год.

Говорила мне цыганка:
«Не горюй, сынок,
Если за тобой заедет
черный воронок.
Верю: ждет тебя удача —
ты не пропадешь,
Раньше сядешь, раньше выйдешь —
и свое возьмешь».

Много, много лет назад

Много, много лет назад
Я нашел бесценный клад.
В полуночной тишине
Он достался... но не мне.

И с тех пор брожу ничей,
Свет улыбки, свет очей,
По тропинке, по судьбе,
О надежде, о тебе.

Юность волку не обуза

Юность волку не обуза,
Губы девкам по душе,
Заклучали мы союзы
В каждом новом шалаше.

Все исчезло в одночасье,
Мир обрушился кругом.
Где же ты, бывшее счастье,
И когда-то милый дом?

Всюду грозные удавы,
Только силы не равны.
И Антихрист в блеске славы
Над обломками страны.

Но восстанет рать Христова,
Меч небесный заблестит,
И пророческое слово
Сердце мира оживит.

Впрочем, стоп. Оставим краски,
Бросим кисти и мольберт —
У меня в руке, как в сказке,
Два билета на концерт.

И опять не слава богу,
Я робею — как тут быть?
Неужели недотрогу

Я осмелюсь пригласить?

На концерте в Доме журналистов

Неужели все в ажуре?
И судьба — без всяких если?
Неужели я в Домжуре
Вижу вас в соседнем кресле?

Все вокруг — сверлящим взглядом
И завидуют ужасно.
Я дрожу от счастья рядом
С самой юной и прекрасной.

Этот фокусник несчастный
Оскорбил мои усы.
Чтоб украсть вниманье ваше,
Он украл мои часы!

Бог сказал: «Я все устрою!
Ну, а ты реши пока:
С чем ты встретился — с судьбою
Или с пламенем цветка?».

Ах, Ирина, жизнь — на взлете!
Вновь цветы таятся в почках.
Неужели не найдете
Вы отваги в этих строчках?

Поэзия

Наука, соска поколений,
Природы вкрадчивый завет,
И ты, Религия — лишь тени,
Узнавшие ее рассвет.

И Бог, встающий на колени
Перед пылинкою — поэт.

Твою любовь нельзя вернуть

Идет к концу старинный путь,
Клубится ночь, и плачут камни.
Твою любовь нельзя вернуть,
А без любви ты не нужна мне.

Исчез байдарки легкий след
И наш костер в прибрежных ивах,
Где лес ронял вечерний свет
Для нас двоих, таких счастливых.

Кого в полях хоронит снег?
Никто не властен над судьбою...
И разлучила нас навек

Моя вина перед тобою.

Распался дом, распался путь.
Какая бездна между нами!
Твою любовь нельзя вернуть,
А без любви жизнь не нужна мне.

И мне все чудится в листве
Ночной костер в прибрежных ивах,
Где лес ронял волшебный свет
Для нас двоих, таких счастливых.

Пленный ветер

Где же тело твое? Отвечай, не томи
Сердце просит любви — и ни слова в ответ
В телефонной заснеженной будке.
Мы с тобой не видались три тысячи лет,
Ты лишь голос, смеющийся в трубке.

Глобус вьется во мраке, роняя моря,
Как слезинки, за грань бытия.
И гитарной струной прозвенела заря:
«Что ж ты медлишь? Возьми, я твоя!».

— Где же тело твое? Отвечай, не томи!
И слова из-за звезд долетели:
«Тела нет у меня. Я лишь отблеск зари,
Звон струны и дыханье метели».

Кто зажег эти свечи: судьба или Бог?
Гаснут звезды, что в сердце ютятся.
И летят города сквозь напевы дорог,
И кресты в облаках золотятся.

Мы уйдем, передав новобранцам Земли
Старый хлам и ненужные цели,

Тайна судного дня

И вот, конь бледный, и на нем
всадник, которому имя Смерть.
Откровение Иоанна Богослова

Тайна судного дня,
тайна смертного часа.
Конец всем надеждам
в этой жизни земной...
А любовь, словно птица,
что вьется над церковью Спаса.
И обрушилась полночь,
как последний конвой.

Я слышал, как мертвые птицы
трепещут в могилах,
Как гибнут столетья,
не зная цены и вины.
Но я не услышал
шагов твоих, легких и милых.
Так зачем этот мир?
без тебя и без нашей весны.

Конец этой ночи,
конец обещаньям,
Конец поцелуям
и бурям конец,
Конец всех обманов,
конец всем мечтам и желаньям —
Там, где вспыхнет над бездной
грозный всадник на бледном коне.

Мелькали закаты,
как отблески Тайной вечери,
И плакали скрипки,
как тогда, в Гефсиманском саду,
И вбежала надежда
в тобой приоткрытые двери,
Но послышался голос:
я к тебе никогда не приду.

Тайна судного дня,
тайна смертного часа.
Конец всем надеждам,
вселенной конец...
И лишь песня любви
не смолкает над церковью Спаса
Перед вечным престолом
в незакатном огне.

У каждого кота есть кошечка

У каждого кота есть кошечка, с которой
Он тешится любовью и пестует котят.
А если он грустит, несчастный, бедный, хворый,
Она его целует, и он, конечно, рад.

Печаль навек растает
В лазури голубой.
Любовь тебя встречает,
Чтоб стать твоей судьбой.

А летнею порой в веселом драндулете
Как сладко мчаться вдаль с оравой котят!
Ведь кошечка твоя прекрасней всех на свете,
Она готовит ужин из фирменных мышат.

Печаль навек растает
В лазури голубой.
Любовь тебя встречает,
Чтоб стать твоей судьбой.

На улице кошмар — ужасная погода!
Облезлый пес скулит под снегом и дождем.
Ты, братец, одинок, а это очень плохо.
Скорей найди подружку — и станешь королем!

Печаль навек растает
В лазури голубой.
Любовь тебя встречает,
Чтоб стать твоей судьбой.

Любовь тебя, невзрачного, найдет и пожалеет.
Она тебя, угрюмого, поймет и рассмешит.
Она тебя, бездомного, у сердца отогреет.
И будешь ты, дружище, иметь приличный вид.

Печаль навек растает
В лазури голубой.
Любовь тебя встречает,
Чтоб стать твоей судьбой.

Я нежная подруга и верная жена

Я нежная подруга и верная жена,
Я мужу никогда не изменяю.
И только очень редко, за рюмкою вина,
Я почему-то голову теряю.

Хочу любовника! Хочу поклонника!
Хочу с ума кого-нибудь свести!
Пусть звезды падают искристым дождиком,
Дружка сердечного хочу я завести.

Мне тесно в этой клетке, в темнице золотой,
С разбитой на осколки любовью.
А жизнь проходит мимо, проходит стороной,
И я мечтаю вырваться на волю.

Мои мечты и тайны я в сердце сохраняю,
И кружится со мной влюбленный ветер.
Но я, конечно, мужу вовек не изменю,
Мой Коля мне милее всех на свете.

Хочу любовника! Хочу поклонника!
Хочу с ума от радости сойти!
Пусть звезды падают искристым дождиком,
Дружка сердечного хочу я завести.

Мне снится гордый рыцарь на сказочном коне
И дальний путь в изысканной карете.
В ночной старинный замок он явится ко мне,
И буду я счастливей всех на свете.

Я вам открою тайну, открою свой секрет:
Я мужу никогда не изменяю.
Но если вдаль поманит любви желанный свет,
То я мгновенно голову теряю.

Хочу любовника! Хочу поклонника!
Хочу с ума кого-нибудь свести!
Пусть звезды падают искристым дождиком,
Дружка сердечного хочу я завести.

Дом, затерянный в лесах

Наташе

Уж поезд тормозит... И нет желанней встречи!
С платформы ты летишь в серебряной пыли,
Тебя могучие подхватывают плечи
И бережно несут в лихие жигули.

Взревел мотор, со скоростью нездешней
Машина мчится вдаль, петляя в небесах.
А где-то там внизу — глоток надежды вешней —
Нас ждет высокий дом, затерянный в лесах.

Там нежность и любовь, там бубны и гитары,
Там кружит нам сердца бутылок хоровод.
И пары тихо исчезают в кулуары,
А музыка гремит, тоскует и зовет.

* * *

Шумела юность и сверкали вечера,
И завтра превращалось во вчера...

С тех пор прошло уже немало лет,
Менялись страны, музыка и свет.

Но сердце помнит святочный рассказ,
Который и про нас, и не про нас,
Про то, как поезд тормозил вдали,
Как двух подружек ждали жигули,

Как весел был бутылоч хоровод,
И как горел февральский небосвод,
И чей-то тихий голос у костра...
Пора любви — прекрасная пора!

Пленный ветер

Когда надежды тают,
Мечты покорных фей
Из клетки улетают
Туда, где потеплей.

И ты, мой пленный ветер,
Меня покинешь вдруг,
Умчавшись на рассвете
Из опустевших рук.

На березке птички зяблики

На березке птички зяблики,
А в лесу дороги темные.
Выплывают, как кораблики,
Чьи-то сказки многотомные.

Кто ж такую девку сватает?
Кто ж захочет с ведьмой шалою?
Тот, кто томик распечатает,
Захлебнется кровью алою.

Ой вы, сказки многотомные
Про подставы вероломные,
А наука битвы классовой
Подвела к удавке массовой.

Мне бы волю

Мне бы удаль — как загадку,
Я тебя бы одевал;
Мне бы волю — ах, как сладко
Я тебя бы целовал.

Кольца, кофточки и шубки —
Все б к ногам твоим швырять,
Только б видеть эти губки,
Эти глазки целовать.

Уж, я думаю, растаешь,
Как швырну перед тобой
Из песцов и горностаев,
И из норки голубой.

В монастырь, где все за деньги,
Я ворвусь, казной звеня.
Кто сказал, что эти девки
В соболях — не для меня?!

Не суди меня, столица,
Мне бы деньги, мне бы власть —
Чтобы с треском провалиться,
Чтобы вдребезги пропасть.

Видно, где-нибудь в застенке
Я окончу дни свои,
Где меня поставят к стенке
За коленки за твои.

Бирюзовая сережка

Два профессора решили прогуляться
Два профессора решили прогуляться,
На зеленой травке в парке поваляться,
Позабыть об интегралах навсегда
И понежиться на лавке у пруда.

А в пруду плескались рыбки — загляденье!
И бывает же такое совпадение:
Рыбки скрылись под водой — и в тот же миг
Превратились в двух студенток озорных.

Это случай небывалый, случай редкий!
Две прелестные студентки, две конфетки —
Они вышли из пруда, да вот конфуз:
Никакой на них одежды, кроме бус.

Бирюзовая сережка

Помнишь тот снегопад на тропинке лесной?
Нас метель замела, закружила;
Ты меня целовал, и под белой сосной
Я сережку в сугроб обронила.

Мы расстались навек, оборвался маршрут.
Я тебя вся в слезах проводила.
Только день, только миг, только пару минут
Нам с тобою судьба подарила.

У тебя своя звезда,
У меня своя дорожка.
Бирюзовая сережка
Потерялась навсегда.

Ах, сережки мои, тайна нашей любви,
Не найти мне сережку для пары.
Только губы твои, только ласки твои
Да щемящая нежность гитары.

Но туманится даль, и неясен маршрут,
Ну и что? отдалась — и забыла.
Только день, только миг, только пару минут
Нам с тобою судьба подарила.

У тебя своя звезда,
У меня своя дорожка.
Бирюзовая сережка
Потерялась навсегда.

Где-то там, в облаках, тает призрачный след
Навсегда упорхнувшей удачи.
И не надо грустить. Только да или нет —
У любви не бывает иначе.

Ты меня целовал там, где вьюги поют,
Да недолго удача гостила.
Только день, только миг, только пару минут
Нам с тобою судьба подарила.

Не вернется гитара

Не вернется гитара в заброшенный дом.
Под колесами крылья позёмки.
Я остался один, я один за рулем
В этой вечной и бешеной гонке.

Помню иней седой на опушке лесной,
А в глазах твоих нежность сияла,
Снег кружился и пел, и под пьяной сосной
Ты сережку в снегу потеряла.

Нас манила метель, унося в полутьму,
Расстегнулись застёжки дубленки...
Ах, как грустно теперь вспоминать одному
Звон гитары и песни поземки.

Осенний огурец

Мозг распух от, извините,
Государственных секретов.
Ими я нафарширован,
Как осенний огурец.
Я бы вам бы рассказал бы —
Не могу и не просите.
Кто гостайны разглашает,
Тот на свете не жилец.

Впрочем, если мы с красоткой
Собрались повеселиться
В царстве музыки и света
И в объятиях весны,
Если враг, а враг не дремлет,
Может всякое случиться,
Если мы с тобой одеты
Только в нежный свет луны.

В измятой блузке

В измятой блузке, вся в муравьях и хвое,
И милый взгляд у старого костра,
Где было так уютно нам обоим.
Пора любви — прекрасная пора.

Смывая кровь с растерзанной арены,
Где гладиаторами были мы вчера;
Мы не прощаем ни обмана, ни измены.
Игра в любовь — смертельная игра.

Взметнулись сокол и орел

Взметнулись сокол и орел,
И мир застыл в истоме.
Идеи — в массы, девку — в пол,
А мы всегда на стрёме.

Зайти с крапленого туза,
С блатного партбилета.
Нам сокол выклевал глаза
И вставил линзы света.

Ползем по черному ручью
К иконам преисподней.
А в наших линзах — как в раю!
Чудны дела Господни.

Никто не верил по весне,
Ах, сени, мои сени,
Что в этой сказочной стране
Все бóтают по фэне.

Нежный мех пантеры

Мне разум шепчет: погоди!
Но страсть не знает меры,
А кудри на твоей груди
Как нежный мех пантеры.

Никто не знал любви моей,
Ни мужики, ни мальчики.
Я в кудри на груди твоей
Хочу засунуть пальчики.

Был августа последний день

Памяти Марины Цветаевой

Скажу, быть может, грубо:
Вы многое ль сменили,
Сбежав от Шикльгрубера
В концлагерь Джугашвили?

Она ответит: много.
И разорвется твердь
Перед оскалом Бога,
Который дарит смерть.

Погасло солнце. Чья-то тень
Самоубийцей — в сны.
Был августа последний день
И первый год войны.

И не найти следов о ней
В дыму под небесами
За миллионами теней,
Которые — не сами.

Душа приучена молиться

Запоминается не близость —
Она лишь ключ к замку души,
А в храмах тайны многоликой
Распятья в сумрачной тиши.

Душа приучена молиться:
Отняли Бога — так любви.
Запоминаются не лица
И не слова, а алтари.

Гася огни сторожевые,

Сгореть и из огня восстать.
И Библии слова живые
Не прочитать, а написать.

Нищенка-мысль перед темною гранью

Лихо закручены наши сюжеты,
В тайных расщелинах скрыты ответы.
Где же наш пастырь, провидец ученья,
Тот, что укажет нам путь для спасенья?

Нищенка-мысль перед темною гранью.
Жизнь или музыка льется в тиши?
— Дай же продлиться немому сознанию,
Не уходи, не спеши...

Если любовь — это мелкая лужица,
В песне — безмерна ее глубина.
Чья это тайна над звездами кружится?
Чья это в сердце весна?

* * *

Ночь надела черный китель.
«Будет шторм! — сказал прибой, —
Я судебный исполнитель,
Ордер выписан судьбой».

Все взорвать и все разрушить!
Налетел могучий шквал,
Поглотил земную сушу
И на клочья изорвал.

Что случится напоследок?
Чья тут будет благодать?
Может, так, а может, эдак —
Никому не разгадать.

Пастухи, сдавая карты,
Ловко мечут да и нет.
Овцы, глядя из-под парты,
Ждут на блюдечке ответ.

Маэстро, музыку!

Войдемте в комнату, не ведая развязки.
Здесь окружает нас таинственность сама.
А на полу разлегся кот сиамский,
Роскошный кот по имени Фома.
Маэстро, музыку! — сейчас увидим мы
Хозяйку несравненного Фомы.

И я хочу внимание привлечь
К ее глазам и форме нежных плеч.

Взгляните, как порывисто легка
Ее до локтя обнаженная рука.
Уж я не говорю об остальном,
Что кажется почти волшебным сном.

Для дерзких глаз мужчин всегда заветный корм
Божественное танго женских форм.

И слетают в сердца купидоны

Немая боль — давно пора кончать!
И вновь толпа к рассвету не готова.
У трона высится гробница палача,
Но не того, кто проклят, а другого.

Глаза болот с ресницами осин,
Куда ушли несметные колонны,
Когда заспорили топор и клавесин,
И лица превратились в медальоны.

* * *

Ночь затмений и дивные звоны,
Но пробился проворный родник —
И слетают в сердца купидоны
Со страниц возвратившихся книг.

Бабы дуры

Черные чулки

Юбочка с оборками, черные чулки,
Знаю, снять их каждый был непрочь.
Ой ты, горе женское, горе от любви,
И, увы, ничем нельзя помочь.

Ах вы, ножки девичьи, узкий поясок,
Каждый их мечтал поцеловать.
А теперь монашеский, до бровей платок,
И от пола глаз не оторвать.

Бесплотный херувим

Снится мне, что я стал духом,

Я — беплотный херувим,
Легче воздуха и пуха,
Исчезаю, словно дым.

Видишь, Катя, тонкий лучик
С неба льется сквозь туман,
На одной из светлых тучек
Я порхаю тут и там.

Да, я ангел, я витаю
Там, где зарево огней,
Я над Катенькой летаю
И мечтаю лишь о ней.

Знаю, сбудется воочью,
Катя скажет мне: «Володы!
Прилетай сегодня ночью,
Но сперва оденься в плоть».

Верхом на кундалини

Кто поймет твои поступки?
Вновь в душе ажиотаж,
Ты, чуть-чуть подкрасив губки,
Улетаешь на шабаш.

На разгульной на пирушке
Вьются тени на метле,
А кругом твои подружки
Барражируют во мгле.

И в зеленом полумраке,
Что дрожит в глазах у змей,
Зреют стереоатаки
Интуиции твоей.

И над картою гадальной
Все инструкции — мгновенно
Ты от мафии астральной
Принимаешь, как антенна.

Тайна грешницы-богини —
В необузданной крови.
Ты верхом на кундалини
Замираешь от любви.

Не для всех земное счастье.
Жизнь — душе — как Божий кнут.
Что мы пьем, дрожа от страсти,
Сквозь соломинку минут?

Тщетны грезы человека,
Новых импульсов зачатки

Предугаданы от века
На космической сетчатке.

Винсент Ван Гог

А что мне церковь, что мне Бог!
Зачем мне ваши цели?
Отрежу ухо, как Ван Гог
И отнесу к Рашели.

Я сразу грохну кулаком,
Не стану сказки сказывать:
— Бросай, скажу, публичный дом.
Пора, скажу, завязывать.

Судьба художника — уйти
Во тьму в расцвете лет,
Безумье встретить на пути
И вынуть пистолет.

Призвание гения — предстать
Безумцем обнаженным.
А после смерти просиять
Пред миром восхищенным.

Губами тронуть вишни

Светлане

Губами тронуть вишни,
В ладони ночь прольется,
Наискосок по жизни
Тропинка счастья вьется.

Блеснет неверным светом
Обманный самородок.
Как много в мире этом
Несбывшихся находок.

Но Бог, готовя жребий,
Тебя давно приметил
И начертал на небе:
«Твой путь да будет светел!».

Ты знаешь, кто секретно
Его рукою водит,
Кто в полночь незаметно
С тебя очей не сводит.

Веселый лучик брызнет,
Звезда вдали проснется,
И от нее по жизни
Тропинка счастья вьется.

Опасная дорожка

Мы сидим у Лёньки Бица,
Пьем бесцветную заразу.
Я стараюсь не влюбиться,
Ведь нельзя ж — в обеих сразу.

Всюду хаос живописный,
Дым столбом и хохот звонкий,
А напротив — две актрисы,
Две опасные девчонки.

От любви я пьян немножко,
Смех журчит, не умолкая.
А любовная дорожка
Так и вьется, завлекая.

Кто же мы в морях познания

Говорят, что в тридцать третьем —
 это было наваждение;
Гегель, Гёте и Бетховен
 погасили звездный луч.
Но двенадцать пролетело,
 и к слепым пришло прозрение
Вместе с бомбовой нагрузкой
 из несметных русских туч.

Будь вы трижды гениальны,
 что вы можете, ребята?
Все контрольные пакеты —
 на вершинах пирамид.
И опять певцы за сценой,
 и солдаты, как когда-то,
Заплетают ветру в гривы
 фитили и динамит.

Кто же мы в морях познания?
 только вечные студенты;
С дивной глупостью своею
 мы целуемся взасос.
Новый фюрер изловчится,
 чтоб сорвать аплодисменты,
И пройти по нашим скальпам,
 как по камушкам Христос.

В летний день

На веселой быстрой речке в полдень жаркий
Две русалки как-то плыли на байдарке,
А за ними удальцы — но вот беда! —
Две красотки вдруг исчезли без следа.

Чудеса подстерегают нас повсюду,
На лугу ромашки шепчут: верьте чуду!

И, конечно, очень жалко — ай-люли! —
Если вы догнать проказниц не смогли.

Парень ехал по дороге в жигуленке,
А у речки голосуют две девчонки.
Он, конечно, тормозит — да вот беда! —
Две прелестницы исчезли без следа.

Чудеса подстерегают нас повсюду,
На лугу фиалки шепчут: верьте чуду!
И, ей-богу, не теряйтесь, — динь-ди-лень! —
Если вас русалки встретят в летний день.

Неизреченная мысль

I, too late,
Under her solemn fillet saw the scorn.
Ralph Waldo Emerson

Слово вскочило на спину
Неуловимой мысли,
Как рысь на хребет косули.
О, жаркая страсть охоты —
Желанье пронзить когтями
Покорное тело жертвы!

Но мысль, неподвластная слову,
Презрительно отвернулась
От жалких попыток поэта
Поймать мимолетную тайну —
Накинуть лассо нетерпенья
На шею поверженной лани.

И гордая мысль созвучий —
Извечная тайна мира
Осталась неизречённой.

Судьба поэта и поэтессы

Осенней вереницею,
Воздушной, окольной,
О двух самоубийцах
Отзвук колокольный.

Всегда на прошлой станции
Кривые зеркала,
На долгие шестнадцать
Его пережила.

Не в силах больше сравнивать,
В беззвездный небосклон,
Ненужными, бесправными,
Ушли она и он.

А кто виной: двуглавый
Или сменивший красный?
Теперь посмертной славой,
Для них уже напрасной.

Они почти ровесники:
Три разницы — не в счет.
На разных высях лестницы
Застал их черный год.

И рушились законы
У них над головой;
И были не знакомы
Они между собой.

Два пика высшей чуткости
И два заката жертвенных:
Его — земной и чувственный,
Ее — как свет, божественный.

На тонкой веточке

И снова сон любви. Хоть цель неуловима,
И в клетках тайны бьется жизнь моя...
А лакомства судьбы мелькают мимо
Колючей проволоки нашего п/я.

Здесь встречи наших глаз наполнились значением,
И сердце вспыхнуло, ликуя и дрожа.
И вот уже — вдали — зажглись мгновенья
На тонкой веточке шестого этажа.

Шины тихо шелестят

Шины тихо шелестят,
Рядом ангелы летят.
Ты спросила: «Это кто там
Бьется, белый, над капотом?».

Это ангел, милый странник,
Наш божественный охранник,
Он ведет нас в лес заветный
По дорожке неприметной.

От любви трепещет сердце,
Наконец, открылась дверца.

«Ой, как холодно! Скорей
Милый мой, меня согрей!».

Лишь к тебе я прикоснулся,
Ангел скромно отвернулся,
Развернулся на метле

И исчез в вечерней мгле.

ТЭЦ-12

Наш храм на всю округу знаменит,
Мадонны молятся, не в силах оторваться.
Во славу Господа у нас всегда стоит,
Как новая труба на ТЭЦ-12.

Когда вы с Киевского к Ленинским горам
За дипломатом перестроитесь направо,
Она стремглав взлетает к небесам,
Загадочна, стройна и величава.

Девчонка и начальник

— Ну что ты, девчонка, глядишь, как во тьму?
Заря в твоём сердце печальна...
— Опять я дала, и опять не тому.
Мне очень обидно, начальник.

А ветер назначит победный разбег,
Меняются звезды и цели.
Не надо цепляться за призрачный снег
Вчерашней любовной метели.

Ведь женская грудь — это вечный приют,
Оазис во тьме одиночества.
И тысячи баб каждый вечер дают
Совсем не тому, кому хочется.

Прощай, моя нежность, прощай, мой мираж,
Надежда моя и отрада!
Я сердце отправлю в последний вираж,
А счастья мне больше не надо.

— Цветешь ты, девчонка, в своем терему.
Чего же ты снова печальна?
— Опять я дала, и опять не тому.
Мне снова обидно, начальник.

Последняя боль перед тем, как в тираж —
На траверсе звездного сада.
Прощай, моя тайна, прощай, мой мираж,
Надежда моя и отрада.

— Тебе не напомнишь, так ты не нальешь —
Пусть канут все наши печали.
Ну что ж ты, раздень меня, что же ты ждешь?
Уж больно ты робок, начальник.

А песня, как лебедь, в ночной тишине
Крыло разрывает о струны.
И сердце летит со звездой наравне

В отчаянной гонке подлунной.

Земная юдоль, как прекрасный мираж,
На трассе разлук неизбежных.
И вечность меняет земной экипаж
На более юных и нежных.

Пылают иконы в закатном огне,
Последний конвой листопада.
И кто тебе скажет в ночной тишине:
— Мне счастья другого не надо.

Войти без опаски в осеннюю боль,
Где смерть выставляет свой ценник.
И небо навеки простится с тобой
В заплаканных стеклах осенних.

А ветер ворвется в осеннюю даль,
Удача на леске забьется.
И звезды навывлет, и сердца не жаль,
Лишь песня в душе... оборвется.

И снова свеча — в неоглядную тьму...
Прозрачна, тонка и печальна...
— Опять я дала, и опять не тому.
Мне очень обидно, начальник.

Бабы дуры

Бабы в городе скулят от одиночества,
Из капкана на свободу каждой хочется.
А в дом отдыха приехав, в винно-водочный уют,
Алкоголикам советским почему-то не дают.
Говорят, что алкаши мы безобразные,
Бабы дуры, вы поймите, мы же разные.

Что вам мучиться напрасно —
В жизни всё наоборот.
Бабы дуры, бабы дуры,
Бабы бешеный народ.

Дом, работа, муж, начальник, дети малые...
Бабы в городе шалеют, одичалые.
А приехав в санаторий, в винно-водочный уют,
Алкоголикам советским почему-то не дают.
Годы в рюмках отцветают незабудками,
Бабы дуры, вы поймите, мы же чуткие.

Что вам мучиться напрасно —
В жизни всё наоборот.
Бабы дуры, бабы дуры,
Бабы бешеный народ.

Все смешалось в этом мире — звезды, палубы.
За любовь нам нынче выпить не мешало бы.
Где в дырявые карманы льются млечные пути,
Бабы рвутся за туманом, все надеются найти.
Ой вы, песни удалые, беззаботные!
Ой вы, козыри ночные, мимолетные!

Бабы мечутся напрасно,
Ждут, когда им повезет.
Бабы дуры, бабы дуры,
Бабы бешеный народ.

Всё тоскуют и мечтают у обочины,
А путевки пропадают, деньги плóчены.
Ищут принца, как надежду, как последнюю звезду,
Только принцев отменили в восемнадцатом году.
Там, где ангелы с кадилами, с молебнами,
Бабы дуры, вы поймите — мы ж последние.

Провороните — и в аут,
Вас никто не подберет.
Бабы дуры, бабы дуры,
Бабы бешеный народ.

Бог — он тоже неженатый, Бог — он тоже холостой.
Он за эти ланцы-дранцы заплатил своей мечтой.
Только бабы рвутся в пекло, где балдеет их мечта,
И никто из них не хочет стать невестою Христа.
Ой вы, ребусы ночные, лучше в омут, чем в тираж,
Бабы рвутся, догоняя свой отчаянный мираж.

Эта песня, как наживка.
В жизни всё наоборот.
Бабы дуры, бабы дуры,
Бабы бешеный народ.

Пармская фиалка

Пармская фиалка

Сижу на даче, слякоть и октябрь,
И занимаюсь монастырским делом,
Надеясь на прижизненный навар.

Сегодня утром снег почти сошел,
И на моем столе вдруг появилась,
Невесть откуда, пармская фиалка.

Положив ее в постель

Положив ее в постель,
Что о ней узнаешь?
Ты, как звездная метель,
Вспыхнешь и растаешь.

А потом один, впотьмах,
Шаря нищим взглядом,
Не заметишь в небесах
То, что было рядом.

Робко — в поисках любви,
Грустно — если мимо,
И о счастье, но, увы,
Цель недостижима.

В чем же смысл земных тревог?
Тает, исчезает...
Тайну знает только Бог,
Да и он не знает.

Выставка «Москва — Париж»

Поэзия радости — «Танец» Матисса.
Собрание великих и редких картин.
И публика рвется, стремясь приобщиться,
В салон дегустации модных глубин.

Аллеи когда-то скандальных полотен,
В заслуженных нимбах — Монэ, Ренуар.

Воздушные грани божественной плоти
И взвихренных красок эффектный удар.

А рядом — «Заброшенный домик» Фламинка,
Не каждый задержится возле него.
Но мне эта скромная с виду картинка
Случайно запомнилась больше всего.

На странный пейзаж я смотрел не напрасно,
Я ту же печаль прочитал между строк:
«Ах, в этой глуши мы могли бы прекрасно
С тобою вдвоем провести вечерок».

Была в той тиши беспредельная нежность,
И кисть постаралась ее уловить;
И в каждой травинке цвела неизбежность
Немыслимой сказки — ответной любви.

* * *

Но есть и другие стремленья и лица:
Достать и пробиться, суметь и попасть!
И лихо закрученный Танец Матисса
Спешит подчинить нашу волю и страсть.

Здесь в каждом поступке мерещится сцена,
А в чувстве — несорванный куш красоты,
Но сердце наивно, оно неизменно,
Оно старомодно и ждет чистоты.

Ты помнишь: внизу, за газетным киоском,
Об этом мы долго шептались с тобой;
И нежность, как будто эскизным наброском,
На миг нас окутала теплой волной.

Все до боли знакомо

Ни лады, ни парома,
Ни тропы, ни огня,
Ни надежды, ни дома
Больше нет у меня.

Все до боли знакомо,
Только мир стал чужим;
Вместо прежнего дома
Серый пепел и дым.

Мы уйдем в листопады
Отлетевшего дня;
Ни мечты, ни отрады
Больше нет у меня.

Где же спрятано жало?

Чьи там тени дрожат?
А река прошептала:
— Сам во всем виноват.

Беспартийный еврей без диплома

Желтый шар метко катится к лузе,
Но венки достаются не всем.
Нам, евреям, в Советском Союзе
Приходилось не сладко совсем.

Эта песня немногим знакома.
Был я дважды отец, но не муж.
Беспартийный еврей без диплома,
И судимость имею к тому ж.

Ты скажи, кто за это в ответе? —
Ни пройти, ни понять, ни спасти.
Пятый пункт был в советской анкете,
Как шлагбаум на нашем пути.

Эта сказка немногим знакома.
От похмелья шумит в голове.
Беспартийный еврей без диплома,
И к тому же судимостей — две.

Это были дни нашей печали,
Нашей боли, о чем говорить!
Нас, евреев, всегда унижали,
Не давали нам шагу ступить.

Эта счастье немногим знакомо.
Кто ты есть? на себя посмотри!
Беспартийный еврей без диплома,
И к тому же судимостей — три.

Поневоле играешь без правил,
Без любви и родного гнезда.
Голос предков нас манит в Израиль,
И мы все потянулись туда.

Эта песня немногим знакома.
Будут деньги, спою вам опять.
Беспартийный еврей без диплома,
И к тому же судимостей — пять.

О нет, я не ревнив

О нет, я не ревнив! но важно убежденье,
Что я — как властный якорь в глубине.
А на поверхности пусть тешится мгновенье,
Сверкая на причудливой волне.

В сетях у горечи не избежать развязки.

Когда ее мечта опять уносит вдаль,
Сумей не показать, искусно спрятав в ласке
Невысказанной ревности печаль.

Тайна искушения

Поэма с довеском

Грузинская рапсодия

Кавказ стонал, роняя мандарины.
Юрий Примашев

Плачьте, красавицы горных аулов,
Справьте поминки по нас.
Вслед за последнею меткою пулею
Мы покидаем Кавказ.
Алла-га! Алла-гу!
Слава нам! Смерть врагу!
Александр Бестужев-Марлинский

Нас на сцене только двое:
Ты и я, весь мир исчез.
Только роли нам с тобою
Выдали из разных пьес.

Ты — как ночь с лицом мадонны,
Тайна искушения;
Я же — нищий дух Сорбонны,
Ребус без решения.

Нас автобус, словно кратер,
Всех — поштучно — извергал.
Боже! ты администратор?
Твой штурвал — банкетный зал?

Ты — царица Алазани,
Амазонки гордый лик,
В пышной келье ресторанной
Над грядой учетных книг.

Или дерзкая нахалка
В бриллиантовом колье,
Кахетинская русалка
В ресторанной чешуе?

Кибернетика в столице
И кавказский Интурист:
Может всякое случиться,
Если жизнь как чистый лист.

Но исписана страница
Мелким почерком густым.
Значит, это — только снится
И развеется, как дым.

Здесь, в большом банкетном зале,
Ты хозяйка, твой Сезам.
Рюмки, кланяясь, порхали
К вечно жаждущим устам.

Тут кайфуют Чингисханы
Ярче звезд кавказских,
Их бездонные карманы,
Золото за ласки.

Не слышны в веселом зале
Трубы Нового завета,
А в садах у Цинандали
Лепет роз и пенье ветра.

Гор обманчивые склоны
Много бед в себе таят,
А в глазах моей мадонны
Сны любви и термояд.

Звонких бубнов перепалка,
Лунной ночью на скале
Обнаженная русалка
Танцевала в полумгле.

Субтропического края
Исторический сюжет:
Где-то здесь Ворота Рая,
Но туда дороги нет.

У Ворот стоит на страже
Грозный ангел Михаил;
Он с мечом, и острым даже,
Но красив и очень мил.

И как будто снова снится:

Мимо звезд скользит в ладье
Кахетинская царица
В диадеме и колье.

Гордый взор царицы ночи,
Взгляд привык повелевать,
И надменно блещут очи:
Никогда! Не смей мечтать!

Нет, голубка, не обманешь,
Вспыхнет томный флажолет,
Та сама цветок протянешь,
Вечерком ко мне заглянешь
И сама погасишь свет.

* * *

Гремя гранитной чешуёй,
Хребет Кавказский
Прополз по сцене, как живой
Дракон из сказки.

Предсмертная песня

Вспоминая повесть «Аммалат-бек»

Помню, отец мой брэнчал на рояле,
Чайник на кухне свистел,
Пел он старинную песню печали,
Грозную песню он пел:

Алла-га́! Алла-гу́!
Слава нам! Смерть врагу!

Таял в московской квартире на Пресне
Клич, что когда-то гремел;
Скорбная песня, предсмертная песня,
Чайник шипел и свистел.

Плачьте, красавицы горных аулов,
Смерть ополчилась на нас:
Вслед за последнею меткою пулею
Мы покидаем Кавказ.

Алла-га! Алла-гу!
Слава нам! Смерть врагу!

Мы не увидим сегодняшний вечер,
Мы улетим к облакам.
Смерти навстречу — без страха! — навстречу
Русским победным штыкам.

Алла-га! Алла-гу!

Слава нам! Смерть врагу!

Помню, отец мой играл на рояле:
Месяц сквозь тучи глядел,
Мчались абреки, кинжалы сверкали,
Жены в аулах судьбу проклинали,
Бог им помочь не успел.

Для нас смерть — свобода!

(из повести «Аммалат-бек»)

Александр Бестужев-Марлинский

Джембулат и Аммалат-бек дрались как отчаянные: двадцать раз опрокинуты и двадцать раз нападавая – утомлены, но не побеждены, с сотнею удалцов переплыли они за реку, спешили, сбатовали коней и завели жаркую перестрелку с другого берега, чтобы прикрыть остальных спутников. Занятые этим, они поздно заметили, что выше их плывут казаки линейские наперерез им. С радостным криком перескакивали, окружали их русские... Гибель им неизбежна.

– Ну, Джембулат, – сказал бек кабардинцу, – судьба наша кончилась... Делай сам, как хочешь, но я не отдамся в плен живой. Лучше умереть от пули, чем от позорной веревки.

– Не думаешь ли ты, – возразил Джембулат, – что мои руки сделаны для цепей? Сохрани меня Алла от такого поношения! Русские могут полонить мое тело, но душу – никогда, никак. Братцы, товарищи, – крикнул он к остальным, – нам изменило счастье – но булат не изменит: продадим дорого жизнь свою гяурам – не тот победитель, за кем поле, – тот, за кем слава, – а слава тому, кто ценит смерть выше плену!

– Умрем, умрем! только славно умрем! – закричали все, вонзая кинжалы в ребра коней своих, чтобы они не достались врагам в добычу, и потом, сдвинув из них завал, залегли за него, приготовляясь встретить нападающих свинцом и булатом...

Зная, какое упорное сопротивление встретят, казаки остановились, собираясь, готовясь на удар. Ядра с противоположного берега иногда ложились в круг бесстрашных горцев; порой разрывало между них гранату, осыпая их землей и осколками, но они не смущались, не прятались и, по обычаю, запели грозно-унылым голосом смертные песни, отвечая по очереди куплетом на куплет.

Поражены каким-то невольным благоговением, егеря и казаки безмолвно внимали страшным звукам их песен, но наконец громкое «ура!» раздалось с обеих сторон¹.

Черкесы вскочили с воплем, выстрелили в последний раз из ружей и, разбив их о камни, кинулись на русских с кинжалами. Абреки, чтоб не разорваться в натиске, связались друг с другом поясками и так бросились в сечу – она была беспощадна – все пало под штыками русских.

– Вперед, за мной, Аммалат-бек, – вскричал неистовый Джембулат, кидаясь в последнюю для него схватку. – Вперед, для нас смерть – свобода!

¹ Ур, ура – значит бей по-татарски. Нет сомнения, что этот крик вошел у нас в употребление со времени владычества монголов, а не со времени Петра, будто бы занявшего «hurra!» у англичан. (Примечание Бестужева-Марлинского).

Но Аммалат уже не слышал его: удар сзади прикладом по голове поверг его наземь, усеянную убитыми, залитую кровью.

Бестужев-Марлинский (1797–1837)

Александр Бестужев (литературный псевдоним Марлинский) в свое время — самый модный писатель России, властитель дум и любимец читающей публики, имел бойкое перо, незурядный талант и пользовался шумным успехом, но — с появлением Пушкина и Гоголя — звезда его стремительно закатилась, и, как это часто бывает, прежние почитатели отвернулись от него — да-да, с презрением, как от блестящей пустышки, увы, навсегда, что не очень-то справедливо, а вы как считаете?

Вместе с Рылеевым, который позже был повешен, издавал альманах «Полярная звезда», куда Пушкин поставлял из псковской ссылки свои гениальные строки: «руку правую потешить, сарацина в поле спешить иль башку с широких плеч у татарина отсечь, или вытравить из леса пятигорского черкеса»: в этих стихах всё вызывает восхищение, но не всё гладко с правами человека, впрочем, не нам судить великого сына Африки («под небом Африки моей», «автор со стороны матери происхождения африканского»), к которому вовек не зарастет народная тропа гордых внуков, славян, тунгусов, калмыков, татар и черкесов (про сарацинов я умолчу).

За участие в восстании декабристов (Бестужев привел свой полк на Сенатскую площадь) был сослан в Сибирь, аж на полюс холода, брр, в далекий Якутск без центрального отопления и удобства на дворе, но через три года — в виде особой милости — переведен в действующую армию на Кавказ простым солдатом, где участвовал во многих сражениях, дослужился до унтер-офицера и даже прапорщика.

Бестужев был человек отчаянной храбрости, но ему не повезло: в свои цветущие 39 лет, полный сил, огня, боевого задора и творческих планов, он погиб при штурме форта Святого Духа, тогда еще не существовавшего; мстительные черкесы подстерегли его в лесу и буквально изрубили на куски; тела его не нашли, хотя, как знать, не исключено, что это всего лишь легенда, хотя она и попала в энциклопедию, которой вряд ли можно доверять, как и этому очерку, который, само собой, не претендует.

Тем не менее, форт Святого Духа был-таки построен у самого синего моря (ныне Адлер, Сочи) в непроходимых джунглях, которые пришлось расчистить бульдозером, несмотря на протесты местных экологов, подкрепленных отчаянными набегами коварных черкесов (точнее, садзы-джигетов), чтобы загородная резиденция Святого Духа, за которой он присматривал, была окружена пустым пространством, которое хорошо простреливалось из гаубиц и систем залпового огня; форт имел пять бастионов по три крепостных орудия на каждом, но все это случилось уже после описываемых событий².

² К сожалению, в текст вкралась досадная опечатка: «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» Пушкина была опубликована не в альманахе «Полярная звезда», а в журнале «Библиотека для чтения» в 1834 году.

Женская власть

Мы были с Танечкой в лесу

Мы были с Танечкой в лесу,
Казалось бы... Ан нет!
В лесу нельзя. Но почему?
Последовал ответ:

«Здесь столько любопытных глаз
Совсем не романтично.
В лесу увидеть могут нас,
А это неприлично».

Но здесь же нету ни души!
Мы тут одни в лесной глуши,
Нас видят только соловьи,
И лес мечтает о любви.

Но я не стал настаивать,
Чтоб Таню не расстраивать.

Старый олень

Старый олень молодым говорит:
«Крышка! Добегался. Полиартрит.

Смелый, решительный волк-санитар
Быстро наметит смертельный удар.

Он подкрадется, как серая роза,
Вцепится в бок и порвет без наркоза».

Женская власть

Ах, этот вопрос я читал, побледнев,
В холодной улыбке своих королев.
Глаза убивали, сжигая меня,
Жестоким презреньем дразня.

О, женская сила! О, женская власть!
— Ты просишь любви, молодой Златоуст?
Что сто́ит твоя сумасшедшая страсть,
Когда твой бумажник трагически пуст?

Ты не спрашивай, не надо

Ты не спрашивай, не надо, почему
Все так быстро улетает за корму,
Почему надежды тают, как туман,
И какой у нас на судне капитан.

Кто на мостике, могуч и одинок?
Может, случай, может, царь, а может, Бог.

Бог ответил из заветных райских кущ:
— Это правда, я конечно всемогущ.
Но, во-первых, я на пенсии давно;
Во-вторых, мне почему-то все равно,
Что у вас там происходит вдалеке
В мною созданном, но вашем бардаке.

Царь промолвил из высокого Кремля:
— Это верно, подо мною вся земля.
Но не верьте глупым сказкам про меня:
«Царь все может» — это просто болтовня.
Я по совести, по чести вам скажу —
Я у случая в поденщиках служу.

Ну, а случай — это соль земных тревог,
Это главный повелитель и игрок.
Он всем правит на дороге без дорог,
Так что случай на поверку — значит Бог.

Ты не спрашивай, не надо, почему
Все так быстро погружается во тьму,
Почему надежды тают, как туман,
И какой на нашем судне капитан.

Кто на вахте, позабыт и одинок?
То ли случай невезучий, то ли Бог.

Чулки и блузка

Чулки и блузка — как опавшая листва,
Пылают лепестки немного ожиданья.
— О, не нарушь минуту волшебства
Неосторожной музыкой желанья.

Но вот вступает праздничный оргán,
И скрипка нежно стонет и воркует,
И, прилетев из заповедных стран,
Дыханье вечности нам тапочки целует.

И очи вечности завидуют мгновенью,
Что расцветет, волнуясь и дрожа,
Беспечной и доверчивой сиренью
На смертной веточке седьмого этажа.

История жалит

Подземные гúлы
Глухим не слышны́.
Они как предвестники
Дерзкой весны.

История жалит,
Кто правит не в масть.
Тузу на скрижали
Шестеркой упасть.

Уже рассветает:
— Не спи, дурачок!
Неслышно ступает
Судьбы башмачок.

Легко цицеронить
На старой закалке,
Уснувший на троне
Проснется на свалке.

И мне почудилось: живи!

Часы загадочно пробили,
И мне почудилось: «Живи!
Ты будешь счастлив в этом мире
И даже, может быть, в любви».

Вступил оркестр ударом грома,
Валторна робко расцвела.
И вот восходят стены дома,
В душе рисуя купола.

И наполняется волхвами
Еще пустой иконостас,
И возжигают свечи в храме,
Уже построенном для нас.

Порхает снег, кружит позёмка,
И храм растаял в полусне.
Но кто же эта незнакомка?
Чьи каблучки спешат ко мне?

Мы кричим и громко лаем

Мы кричим и громко лаем,
Храм науки прославляем,
Добывая мед из сот

Новых жизненных высот.

Те, что вьются умным роем
И горят в огне цитат,
Щедры платят геммороем
За научный результат.

На Багамских островах

На Багамских островах

На Макарийских островах
Живут без горя человеки.
Там в изумрудных берегах
Текут пурпуровые реки.

Константин Бальмонт

Не в театре, не на пляже
На Багамских островах,
Не в роскошном экипаже,
Тайно скрывшемся в веках,

Не на даче у блондинки,
Не в буфете с коньяком,
Не в подъезде, не на рынке,
Не в деревне босиком,

А на фабрике фартовой
В подконвойном городке:
В производственной столовой
От цехов невдалеке.

Мелькают пончики и супчики:
— Тефтели в соусе, а вам?
— А мне, пожалуйста, голубчики
И отварной шерше-ля-фам.

Не на Багамах, не в Америке
С их непонятным языком,
А мы с тобой встречались в скверике,
В уютном сквере заводском.

Мерцали лампочки таинственно,
У кассы шум и толкотня,
Ты подошла ко мне воинственно,
С усмешкой глядя на меня.

Кругом кувшинчики-графинчики,
Глазунья весело шипит,
А на твоём подносе блинчики
Отважно дразнят аппетит.

И понял я душой тоскующей
Среди котлет и макарон:
Твоей улыбкой атакующей
Я был навеки покорен.

Пропала папка с лекциями (объявление в раздевалке)

Страшнее войны
И тифозной инфекции:
За оба семестра
Потеряны лекции.

Пропали — подлинный
Фактик, кумá —
Два полностью оформленных
Матпра́ктикумá.

Я без папки —
Как груздь без шляпки,
Как гусь,
Откинувший кверху лапки,

Как Божий храм
Без Христа Спасителя
И космонавт
Без ракеты-носителя.

Если ты папку
Нашел случайно,
Помни — положение мое
Отчаянное!

Или ты возвратишь мне папку
«Дубликатом бесценного груза» —
Или меня хватают в охапку
И исключают из вуза!

В прошлом веке, в прошлом веке

В государстве оптимистов
Всюду радость — аж до неба.

Все им, чижикам, подвластно,
Все им, шустрим, нипочём.

В землю зернышко посеешь —
А из почвы вместо хлеба
Моментально вырастает
Знамя с лысым Ильичём.

* * *

Гарцуют ковбои
На съездах партийных,
И вновь перебои
Сердец магазинных.

Заглох без бензина
Мотор на пути,
На полках — пустыня,
Шаром покати.

Под общим наркозом
Державное гетто
С бездарным завхозом
В фальшивом либретто.

И больше не надо
Словесного чада,
Ни нежного взгляда,
Ни пива со склада.

За прежние вожжи
Не слишком держись.
На новые дрожжи
Надеется жизнь.

* * *

Слабее колыхается
Державный кадык.
История пишется
Под новых владык.

Золотые мгновенья удачи

Не рябиновый сок и не пуля в висок,
Мы украли у вечности этот часок —
За веселой бутылкой на пряной траве,
Где аккорды гитары плывут в синеве.

Завтра нас, может быть, неприятности ждут,
Если жизнь повернется иначе;
А сегодня у нас на ладонях цветут
Золотые мгновенья удачи.

О, как убийственно жесток

Когда, как соль на рану, страсть,
Когда все козыри — не в масть,
Когда легко теряешь власть
И хочешь всё забыть,

Надежда, как слепой пунктир —
Пропитанная ложью нить,
Ведет нас в вымышленный мир,
Не чтоб помочь, а чтоб добить.

Тогда — ну что ж, не ты одна,
Внезапно выпив всё до дна,
Наткнешься вдруг — еще пьяна —
На злую неизбежность дна.

О, как убийственно жесток
Последний выпитый глоток!

И ты застынешь у окна:
— Прощай, любовь, прощай, весна!

И повторишь его слова,
Еще пьяна, уже трезва.

И сразу оборвется нить,
А губы страсти просят: пить.

Еще один глоток — рассвет,
Но только — занавес в ответ.

И ты поймешь, что нет дверей,
А под ногами пустота;
Не потому, что масть не та,
А просто — нету козырей.

Еще жива, еще пьяна,
Откроешь створки у окна
И перегнешься за карниз,
И безразлично глянешь вниз.

Как избавление от сна.
Лишь мимо промелькнет стена.
И, как последняя шпана,
По крышам пробежит луна.

Глухой удар — и тишина.

Тут до меня дошло, как до барана

О, Паронджанов, ты поэт.
Ты чуток, как тончайшая мембрана.

Женский комплимент

Я Паронджанов. Я большой поэт.
Я просыпаюсь утром очень рано
И сам себя исследую на свет,
Где у меня тончайшая мембрана.

Я понял — в этом деле есть секрет,
Но я не отступлю и не отстану,
И я дознаюсь, поздно или нет,
Где эта самая тончайшая мембрана.

Вдруг в небесах зажегся яркий свет,
И зычный голос прогремел с экрана,
Он рокотал: «Сообрази, поэт, —
Ведь у тебя не может быть такой мембраны!».

Тут до меня дошло, как до барана.
И я подумал, как мужчина и поэт:
У каждой девушки — тончайшая мембрана.
У каждой женщины — мембраны больше нет.

ГУРВО

Война — отец всех существ,
и царь всех существ.
Гераклит Эфесский

Служи, царевич, не любя и не печалься,
На поводке у засекреченной весны³.
— Как долго мы с тобою не встречались,
Одетые лишь в нежный свет луны.

В притонах скорости она целует в губы
И душит бусами подопытных цехов.
— О, я спасу тебя, мой ласковый, мой грубый,
Окутаю метелью кротких слов.

«Зачем? Кому от этого отрада,
Чтоб птицы ночи выпили мой мозг,
Чтоб я к чужим цветам, глазам и складам
Навел пунктирный и смертельный мост».

— Но жизнь таится и в ракетной цитадели.
Там светится любовь, и бродят менестрели.
Мои уста к твоим устам прильнут,
И пальцы нежности ласкают шелк минут.

«О, сколько хитростей придумать мне пришлось,

³ ГУРВО — Главное Управление Ракетного Вооружения Министерства обороны Союза Советских Социалистических Республик.

Чтоб в Час Быка всё было безотказно,
Чтоб по команде "Пуск" всё к черту взорвалось
И превратилось в ядерную плазму».

«Я отдал двадцать лет таинственному блюду,
Опасным трюкам извращенного ума,
Эскизов смерти сочиняя груды
И наполняя ими закрома».

Змея ползет извивами обмана...
Что Бог войны — наш истинный закон,
Что Гераклит и Клаузевиц правы,
А Канта «Вечный мир» — всего лишь детский сон.

Что лучшие умы, к несчастью, заблуждались,
Что философские исканья оказались
Пустышкой для наивных простаков
И детской шуткой для военных знатоков.

— Ах, обними меня, мой милый, мой любимый!
Пусть горести судьбы всегда несутся мимо.
А шины, задремав, к обочине прильнут,
И пальцы нежности ласкают шелк минут.

Шут в берлоге

Попав к медведю в логово,
Попав к медведю в пасть,
Добиться можно многого,
А можно и пропасть.

Про меня говорят: «Придворный шут,
Скоморох, чуть повыше классом».
А я отвечаю: «Не шибко тут,
Я тоже умею басом».

Мне говорят: «Ты придворный паяц,
Болтаешь, меры не зная».
А я отвечаю: «Не только я,
Нас тут целая стая».

Под звуки бубна

Душа, танцуй и веселись!
Я тронул бубен, и, как в сказке,
Деревья с места сорвались
И закружились в буйной пляске.

И разносились далеко
Напевы страсти и печали,
Что пальцы бегло и легко
Из кожи бубна извлекали.

Мой бубен плакал и визжал,

И хохотал под небесами,
А лес смеялся и рыдал,
И в такт похлопывал ветвями.

И счастье, словно пьяный шквал,
Вдруг пронеслось в лесу зеленом,
А ветер нежно целовал
Стыдливых, юных и влюбленных.

Я был маэстро! я владел
Душой и ритмами вселенной!
А лес притоптывал и пел,
И ликовал одновременно.

Счастливый, я упал в траву,
Где тени с бликами играли, —
И чьи-то глазки наяву
Мне жизнь и радость обещали.

Ах, чем мне сказку завершить?
Дорога к счастью — на витрине:
Вы бубен можете купить
В любом московском магазине.

Ах, как я его любила

Нету счастья в мышеловке,
Тихо спичку поднесла,
Корешок своей путевки
С уголочка подожгла.

Ах, как я его любила!
Но распался белый свет,
Все, что было, позабыла,
То ли было, то ли нет.

Ни к чему теперь уловки,
Я хотела, не смогла;
Корешок своей путевки,
Словно жизнь свою, сожгла.

Болезни носоглотки

Ахмет кричит: «Красотки!
Зачем ходить к врачу?
Болезни носоглотки
Я лучше всех лечу».

«Для вашей носоглотки, —
Внушает он больной, —
Полезна рюмка водки
В компании со мной».

«И, чтоб добиться цели, —

Щебечет он больной, —
Часок-другой в постели
В компании со мной».

Прекрасное лечение!
Красотки удивляются,
Но все без исключения
Мгновенно поправляются.

Он лечит дни и ночи,
И сутки напролет,
К нему забита очередь
На десять лет вперед.

Но тут звезда политики
Свою бросает нить —
Всегда найдутся критики,
Чтоб песню очернить.

Ахмет ворчит: «Да ладно,
Ведь я же альтруист.
Я всех лечу бесплатно,
И перед Богом чист».

«Я магии хранитель,
А магам нет преград.
Я истинный целитель,
Народный Гиппократ».

Ученый

На днях загадку мирозданья
Он, как блоху, пинцетом взял,
Лишил ее очарованья,
Распял и в формулу загнал.

Она, как бабочка, трепещет,
И на булавке слезы льет.
А мир в восторге рукоплещет
И славу гению поет.

— Нет, так нельзя! Душа поэта
Спешит восстать на мудреца:
Ведь он безумием пинцета
Проткнул интимности Творца.

Ой вы, лютики мои

Дело к старости, дружище, вырубай движок.
Нашу юность, наш рассвет запорошил снежок.

Ой вы, лютики мои,
Черешни с вишнями!
Были мы нужней других,

Да стали лишними.

Заплясала на весах монета звонкая.
Бог, который в небесах — он шельма тонкая.
Он на козыри не глянет — за тобой должок.
Дело к старости, приятель, выключай движок.

Ой вы, девочки в соку,
Черешни с вишнями,
Были вы милей всего,
Да стали лишними.

Что же нынче остается сердцу пленному?
Раньше пили мы от пленума до пленума.
Но взорвался прежний быт рассекреченный,
Всю малину скovyрнул Мишка Меченый.

Расцвели в тени Кремля
Черешни с вишнями.
Все, что были у руля,
Стали лишними.

Бальмонт 2.0

 Мерцают сумерки в лимонных
 И апельсиновых садах,
 И слышен лепет в листьях сонных,
 И дремлет ветер на цветах.

Константин Бальмонт

Мерцают сумерки в лимонных
И апельсиновых садах,
А рядом девочки в погонах
В ракетно-ядерных войсках.

Они на страже неустанно
И — под весенний благовест —
Для женихов за океаном
Готовят атомных невест.

Не для любви, не для потехи
Подземный бункер броневой —
Дрожат заморские морпéхи
От лика смерти огневой.

Народ гордится — всё законно —
Что там, в подземной тишине,
Готовы девочки в погонах
К ракетно-ядерной войне.

У Дон-Кихота ни стакана, ни рубля

У Дон-Кихота ни стакана, ни рубля,
Висят на реях непокорные Сизифы,

Стоят Сусанины у каждого руля,
И корабли стремглав летят на рифы.

Кого винить? Мы прокляты навек,
Доверив вожжи подставному мудрецу.
Повсюду смерть. Последний человек
Готовится к ужасному концу.

Под Киевом

Под Киевом много укромных полянок,
Где можно и нужно любить киевлянок.

Только адреса нет на конверте

Эх, тачанка-полтавчанка,
Наша гордость и краса,
Пулеметная тачанка,
Все четыре колеса!

Михаил Рудерман

Обнаженная грудь мадонны,
И разбойничий свист соловьиный.
Царь погиб, и распались законы.
Саранча на тачанках — лавиной.

Где же ты, благодатная сказка?
Где дворцы и усадьбы наши?
Революция — красная пляска,
Кадыки под бритвами пляшут.

Прокричала вещая птица,
Что весна прислонилась к смерти.
Эта тайна еще пригодится,
Только адреса нет на конверте.

Мне снятся туфельки твои

Мне снятся туфельки твои.
Молчащих клавиш город пленный...
Моей приснившейся любви,
Моей несбывшейся вселенной.

Как одинок и пуст мой дом,
Судьба-злодейка все украла;
А на подрамнике пустом
Дыханье роз и два бокала.

Но лунным холодом облит,
Накинув пестрый шарф на плечи,
Каким отчаяньем звенит
На провода упавший вечер.

Тебе одной слова любви,

Любви немой и сокровенной,
Моей приснившейся зари,
Моей несбывшейся вселенной.

Парад-Алле

Парад-Алле! гремит оркестр,
Мы тремся о передник мамин,
Нескоро кончится семестр,
Нескоро выпускной экзамен.

Сверкает праздничный манеж,
Парад-Алле! трубят фанфары,
И делит вкрадчивый рубеж
Живую жизнь и чьи-то чары.

Но пробил час, и в сизой мгле
Уже трезвонят на Бутырке,
Что в нашей жизни нет «Алле!»,
Что так бывает только в цирке.

Над судьбою и над миром

Ты в иную ткань одета,
Что неведома факирам,
Ты из пламени и света
Над судьбою и над миром.

Эти йоги словно боги
Погружают нас в обман,
Чтобы смысл живой тревоги
Превратить в немой туман.

Их задача, это ясно,
Ограничить сердца бунт,
А ведь это так прекрасно —
Жечь себя в огне секунд.

И гореть цветущей вишней
То нежнее, то сильнеей
Перед юным богом Кришной,
Повелителем страстей.

Сгорел хрустальный фа-диез

Усатый, страстный до мажор
Плясал лезгинку,
А нежный си-бемоль минор
Ласкал грузинку.

Цвели снега на склонах гор
И мандарины,
И прославлял тромбонов хор
Страсть Магдалины.

Швырял утесы Магомет
В морскую пену,
Из зала пламенный поэт
Смотрел на сцену.

Скакали по уступам скал
Стада кентавров,
А Терек рвался и визжал
Под звон литавров.

Старинным эхом прогремел
Зов кровной мести,
Поэт взволнованно сопел
И ёрзал в кресле.

Как грозный смерч, взметая пыль,
Промчались турки,
Летел неистовый Шамиль
В косматой бурке.

Поэт остроты штамповал
Для строчек хлестких,
В узор гипербол он вплетал
Метафор блёстки.

Сгорел хрустальный фа-диез,
Сражен бекаром,
И скрипкам трубы свой протест
Послали с жаром.

Закат плеснул на снег вершин
Томатным соком,
Клубились сны ночных долин
Живым потоком.

Хребет Кавказский бушевал,
Грозю обвалом,
И водопады посылал
Скакать по скалам.

Из пастей медных он исторг
Гортанный хохот,
И в зал обрушился, как шторм,
Оваций грохот.

Джан и Джон

В шараге жили Джан и Джон.
В одном отделе Джон и Джан.
И с незапамятных времен
Они вдвоем срывали план.

Один из них был хулиган,
Другой — святой со всех сторон.
Кто был святым? — конечно Джан.
А хулиган? — конечно, Джон.

Хотя, как говорит народ,
Народ — он судит честно:
Пожалуй, все наоборот,
А точно — неизвестно.

У Джона нынче юбилей,
Гостей зовут со всех сторон.
Джон угощает: «Джан, налей!»,
Джан говорит: «За дружбу, Джон!».

Робкая мелодия

Я отделил цветок от бликов темноты,
Я кистью угадал мгновение ожиданья,
И ты возникла из моей мечты,
Как робкая мелодия желанья.

Мгновение красоты нельзя пересказать,
Любуюсь им, лишь сердцем прикасаясь.
Как сладко и мучительно не взять,
Когда бутон любви трепещет, раскрываясь.

Истинная вера

Иисус сказал ему:
Я есмь путь и истина и жизнь...
Истинно, истинно говорю вам:
верующий в Меня имеет жизнь вечную.

Евангелие от Иоанна

Она вам нравится? Ну, что ж,
Я вам перечить не посмею.
Бессмертна трепетная ложь,
Та что приснилась Моисею.

Когда у всех чердак в огне,
Мы славим Бога в поднебесье,
И нас чарует как во сне
Пасхальный звон: «Христос воскрес!».

Тысячеликая молва,
Волной вздымаясь, ликовала,
Цвела во славу Божества
И высшей истиной блистала.

Восторга сладостная дрожь,
Христом прониклась наша эра,
Бессмертна трепетная ложь,
Бессмертна истинная вера.

* * *

Вот так, на чердаке самозабвения,
Как прихотливый и бесценный дар
Понятье Истины нам озарило путь
И мысль пытливую в дорогу снарядило.

Церковь ночи, звездная аптека

Что ни день — забот безумный ворох,
Всё дрожит у грохота в плену.
— Не печалься, поезжай за город
В кружевную леса тишину.

Церковь ночи, звездная аптека
Лечит нас от ссадин до седины,
И слились с душою человека
Души елей, сосен и осин.

Оглянись перед финалом

Жизнь, как выставка — на срок.
Оглянись перед финалом,
И пройди еще разок
Вдоль по опустевшим залам.

Всюду горькие утраты,
По углам — лишь пыль да хлам.
А какие экспонаты
Красовались тут и там!

Что там ваши Рафаэли —
Карантин в глазах мадонн.
Я их знал живых, в постели,
Без икон и без корон.

А тоннель в научном храме?
Там мой скит и мой забой,
Где гранит долбил годами
Православною киркой.

И всю жизнь, еще со школы,
Те, кому был верен я —
Игорь с Валькой Силаковым,
Сердцу милые друзья.

Нынче выставка закрыта,
Ни убранства, ни красы,
Лишь на тумбочке разбитой
Гулко тикают часы.

Милый голос напевает,
Провожая нас в полет:

«Тот, кто здесь не унывает,
Тот и там не пропадет».

Нету больше Игорька,
Нету Валечки дружка.
Я один на белом свете
Жду последнего звонка.

Сказание о директоре

Случай на охоте

Однажды Директор бродил по Карелии,
Глаза у него, как у волка, горели.

Директор был занят: он круглые сутки
Искал, где находятся дикие утки.
Директор был дока в охотничьих трюках,
Охотился он в тренировочных брюках.

Намокли коленки его от росы,
Замерзла его волосатая грудь,
Но он подкрепился куском колбасы
И смело отправился в путь.

Он шел и свою дорогую винтовку
Держал по-охотничьи — наизготовку.

А в этой же местности, что интересно,
По синему небу плыл ангел небесный.
Светилась пред ним голубая дорога,
Он плыл по заданию Господа Бога.

Директор же думал — и это не шутка,
Что это летела обычная утка.
Он вскинул ружьишко, и сразу — шарах! —
И ангел упал перед ним в камышах.

Директор — он грубый, он очень нечуткий,
Он в общем-то дикий по сути своей.

Ему безразлично, где ангел, где утки,
Ему лишь бы ножка была пожирней.

И, чтобы проверить свое подозрение,
Решил он с нее ощипать оперенье.

Он даже принялся за эту затею,
Но утка сказала: «Директор, уймись!»,
И вмиг превратилась в прекрасную фею,
В такую красотку, что только держись.

Директор моргал и глядел ошалело
На феино юное крепкое тело.

А фея — она, как ни в чем не бывало,
Совсем не стыдилась своей наготы,
Шутила, смеялась и живо болтала,
И сразу к нему обратилась на ты.

— Ах, милый, зачем ты меня погубил?
Ведь ты для забавы меня подстрелил.
Меня же ты в самое сердце задел,
При помощи пули ты мной овладел.

И фея, дав волю губам и рукам,
Прижалась к его бороде и щекам.

Директор сквозь ткань тренировочных брюк
Почувствовал пламя от феиных рук.
Он даже расцвел: «Ничего себе, шутки,
Какие, однако, здесь водятся утки!

На будущий год я возьму Табакова,
С ним вместе мы тут поохотимся снова.
Он тоже себе здесь добудет трофей —
Он любит таких легкомысленных фей».

А фея опять: «Хочешь, в этом лесу,
Директор, я счастье тебе принесу?».

В нем сердце стучало, как счетчик в такси,
Директор ответил: «Давай, приноси!».

Но тут неожиданно — что за дела? —
Она вдруг поллитра ему поднесла!

Нет! что меня в феях всегда восхищало,
А я на веку повидал их немало,
Как тонко они нас умеют понять
И в нас сокровенную мысль угадать!

Вот так же и фея его рассекла,

от обиды грызть палас.
Тут не помогут
ни Христос, ни Сексо-Йога,
Пусть он узнает,
что такое высший класс.

Но наш герой —
не новичок в любовной школе,
Он все рассёк
и вмиг сменил весло:
Он просидел
всю ночь один в холодном холле,
Чтоб поутру
задвинуть нам фуфлó.

Он возвратился
в келью только на рассвете,
В его глазах
цвела победная звезда.
Мы поклялись,
что будем все держать в секрете,
И он ответил, как всегда:
«Конечно, да!».

Я вам скажу —
Директор пáрит нас нередко,
Он очень любит
нам понтяру наводить.
Ему простительно,
на то он и Директор —
Иначе массаами
нельзя руководить.

А Марианна
после этого скандала
Интуитивно поняла:
не тот разлив.
— Оставь меня! —
она Директору сказала,
Своими фарами
его испепелив.

Гремели бубны,
звонко тьякали гитары,
Гуляла ночь
по зимним сказочным лесам.
И в свете фары
под луной кружились пары,
И звезды весело
подмигивали нам.

Большой обед

Директор веско и спокойно
Мне объяснил, что слава — дым.
Он был всегда на редкость стройным,
А я, наоборот, худым.

Я годен лишь на холодец,
С костями будешь мучиться,
А из него большой обед
Из многих блюд получится.

Есть красота в повадках львиных
С его достоинством мясным —
Вот почему в походах длинных
Директор был незаменим.

Он больше жил, но меньше прожил

Чем больше женщину мы меньше,
тем меньше больше она нам.

Михаил Жванецкий

Привычно нимб надев на темя,
Директор движется вперед.
Он мыслью обгоняет время,
А грешным телом — отстает.

Он больше жил, но меньше прожил —
Он больше меньше стал, чем был.
Он все, что надо, подытожил;
Но все, что вспомнил, он забыл.

Его девиз по части женщин:
«Темнить — и исчезать, как дым».
Чем больше женщину мы меньше,
Тем дольше будешь молодым.

Директор — мой лучший друг

А мы, бывало, с Игорьком
Всегда с попутным ветерком,
Где хулиганский курс наук
И гром веселый...
Ах, вы не знали Игорька?
Так вы ж сваяли дурака!
Ведь Игорек — мой лучший друг
Еще со школы.

Мы, как всегда, стремились ввысь,
Но жизнь опять сшибала вниз,
И мы взлетали вверх и вниз
Попеременно;
В кармане нож, в душе весна,
И нас боялась вся шпана,

И мы на Патриках кадрились
Вдохновенно.

В деревне Устье

Там, где целуется Торóпа с Двиной,
В деревне Устье на тропинке лесной,
Где каждый пёс для тебя как родной,
И каждый день выходной...

Играет солнце на зеленой траве,
Шумит стаканчик у меня в голове,
Сперва по маленькой, а после по две,
Чтоб утонуть в синеве.

Пускай гитара каждый вечер поет,
Пускай Директор нас на рюмку зовет,
И пусть судьба нас с тобой через год
За этот стол соберет.

Но оказалось, что наш праздник хмельной,
Там, где целуется Торóпа с Двиной,
Не повторится ни зимой, ни весной,
Ни даже летней порой.

Директор нам приказал не тужить,
А песни петь и с гитарой дружить,
И веселиться, и женщин любить.
И о нем не грустить.

Легенда о Табакове

Жили были два друга

Жили-были два друга неразлейвода: Игорь Чудновский и Валька Табаков. В школе Табаков придумал дразнилку: «Чудо-юдо рыба кит бомбой атомной грозит». А чудо-юдо от обиды лез в бутылку.

Но настоящая драма приключилась много позже — когда Валька у Игоря в гараже залил в движок своей машины вместо масла эпоксидную смолу. Рассказывая об этом бедствии, оба винили друг друга во всех смертных грехах, искренне возмущались, несли околесицу и ссорились точь-в-точь, как Иван Иванович с Иваном Никифоровичем.

Смех смехом, но дело было нешуточное, а обида смертельной. И

тут меня осенило — настал мой звездный час! — я понял, что должен выступить в роли спасителя-миротворца. Это было не просто, но за полгода кропотливых усилий мне удалось сгладить углы, обезвредить минные поля, погасить тлеющие головешки, заштопать сердечные раны, и дружба навеки, к счастью, была восстановлена.

Никогда не забуду романтический финал этой истории. На одной из вечеринок, когда я гордо возвышался над миром с рюмкой в руке и тостом в зубах, Табаков неожиданно вскочил, перегнулся через стол (он сидел напротив) и крепко стиснул меня, так что я пошатнулся и чуть не рухнул на салат с майонезом. Валька еле слышно прошептал мне в самое ухо: «Джан, спасибо за то, что ты меня с Директором помирил».

На первый взгляд, в этих словах нет ничего особенного. Но для меня они не просто важны — они драгоценны, так как красочное признание, можно сказать, само вырвалось из Валькиного сердца.

И мне кажется, что на Страшном суде, когда на аптекарских весах будут взвешивать каждое прегрешение, одно такое признание может, пожалуй, перевесить все мои грехи, а их у меня с избытком.

Как возникла легенда о Табакове

Табаков — человек сугубо положительный: кандидат наук, начальник вычислительного центра, автор проекта приливной электростанции и все такое. На роль отрицательного героя, прощелыги или демона он никак не годится.

Тем не менее, возникла заманчивая идея — выдумать мифического Вальку Табакова, жулика и прохвоста. Фишка в том, что такой типаж не имеет ничего общего с оригиналом.

Представьте, вы сидите в веселой и приятной компании и слушаете песни обо всей этой небывальщине и чертовщине про легендарного злодея Табакова — и тут же с изумлением видите перед собой невозмутимого живого Табакова с гитарой в руках.

Да, чуть не забыл: кличку «Директор» тоже изобрел Табаков. И она, как родная, приклеилась к Игорю Чудновскому на всю жизнь.

Чуть что — прикинуться святым

Чуть что — прикинуться святым,
Залезть на крест, натянуть нимб
И Божье платье.

А ночью, втайне от людей,
Отклеив шляпки от гвоздей,
Слезать с распятия.

Таков наш Валька Табаков,
Я говорю без дураков,
Портрет мой точен.
Он днем — как Божий херувим,
А ночью — вечно пьяный в дым,
Насквозь порочен.

Но лишь продрал глаза рассвет,
В притоне снова Вальки нет.
Чтоб жить неплохо,
Рога под кепкой спрятал бес

И на распятыє снова влез —
Каков пройдоха!

А нынче, пьяный наповал,
Он всех на свете подбивал
Пропить распятыє.
Тут мы взмолились: «Караул!»,
Его безудержный разгул
Для нас — проклятыє!

Но грянет гром — и напролом! —
И мы себе еще вернем,
Всё, что вы взяли.
Нам наплевать на ваш успех,
И вы услышите при всех
Наш смех в финале.

Таков наш Валька Табаков,
Я говорю без дураков,
Портрет мой точен.
Он днем — как Божий херувим,
А ночью — вечно пьяный в дым,
Насквозь порочен.

На улице отчаянный мороз

На улице отчаянный мороз,
И к лыжным палкам уши примерзают.
А у пришельцев в эту пору сенокос,
И дождь по карточкам раз в месяц выпадает.

А Табаков нигде не унывает,
И у него ответ всегда короткий —
Что плохой погоды не бывает,
А бывает — просто мало водки.

А тут на днях нам захотелось женской ласки.
Она возникла вся из света и огня.
Мы ей немножко приоткрыли двери сказки —
И с тихим звоном закрылась западня.

Ведь Табаков — он жалости не знает,
И он насмешливо поет любой красотке:
«Неприступных женщин не бывает,
А бывает — просто мало водки».

Ох, уж этот Табаков

Всегда уверенный в себе,
Всегда глухой к чужой мольбе,
Он беспощаден к тем, кто слаб,
И тем, кто нежен.
Успех и слава — все при нём,
Он может взять любой подъем,

Он говорит,
Он фаворит,
Он неизбежен.

Вот он сидит — взгляните на него:
Томится, словно кит на суше,
И, как пульсары, излучают торжество
Его вишневые взволнованные уши.

С неба звездочка слетела

С неба звездочка слетела,
За сарай скатилась.
Я сначала не хотела,
А потом решилась.

— Эй, налейте Табакову —
Самому отпетому!
Я сначала не давала
Ни тому, ни этому.

Табаков продал гитару

Табаков продал гитару,
За трояк ее пропил,
А потом сдал стеклотару
И портфель себе купил.

Он в портфеле носит деньги,
Вам так жить, как он живет!
Он не тратит их на женщин,
Он на книжку их кладет.

Табаков проворовался,
Он опять сидит в тюрьме.
Как он горько просчитался
При его большом уме.

Табаков в тюрьме напился,
Размотав свой новый срок.
Он и девушек лишился,
И портфель свой не сберег.

Табаков — он снова с нами!
Он лишь утром из тюрьмы.
Табаков опять с деньгами,
Табакова любим мы.

Взгляд его горит, как солнце,
Он гуляет на свои.
Ты кидай на стол червонцы —
И все девушки твои.

Возле Вальки слышен снова

Женский смех и женский визг.
Бабы любят Табакова
За отвагу и за риск.

Он возьмет ее за плечи,
Поцелует — обомрешь.
А когда ему перечат,
Он хватает финский нож.

Табаков — он снова с нами!
Он лишь утром из тюрьмы.
Табаков опять с деньгами,
Табакова любим мы!

Самый симпатичный

Он алкоголик первый сорт,
Но я скажу тактично:
Из всех московских пьяных морд
Он самый симпатичный.

Сперва для понта три полста

Сперва для пóнта три полста́ —
«Держитесь, недотроги!»,
Потом аллюром три креста
Мы уносили ноги.

По блату, по блату
Мы тайно держим хату,
А тот, кто держит хату,
Живет не на зарплату.

А феи на хате
Нам дружно скажут: «Нате!».
И в этот миг в халате
Выходит Табаков.

Осень непогожая по кустам петляет

Осень непогожая
По кустам петляет,
Бабка краснорожая
С козами гуляет.

Нас кустами алых роз
Ублажает осень.
А у бабки сколько коз?
Коз у бабки восемь.

Там, где праздник в ватнике
Тайно держит марку,
Бабка съест козлятинки
И осушит чарку.

Там, где денег вовсе нет,
Завтра как сегодня,
В души льется дивный свет
От креста Господня.

Были сны медовые,
Стали горькой мукою,
Чтоб ночами вдовьими
Доживать над рюмкою.

В блеске ихних городов,
В звездах небосвода
Оторвался Табаков,
Падла, от народа.

Мы на крыльях алых роз
Мечемся по свету.
А у бабки сколько коз?
Коз у бабки нету.

Нету коз, и бабки нет —
Осень все слизала.
Покидая этот свет,
Бабка нам сказала,

Что у нас в Аксаково,
Бабка судит строго,
Поминая всякого:
«Все забыли Бога».

С розами коровьими,
В ватниках заношенных
И с мечтами вдовьими
О цветах некошенных.

Обернулся Табаков белым кречетом

Табаков на днях сказал озабоченно:
«В каждом яблоке своя червоточина.
Вся Россия до белья раскурочена,
Не поймешь, где колея, где обочина».

Обернулся Табаков красным знаменем —
И Россию запалил синим пламенем.
А потом он налетел вьюгой черною
И пустил на нас всю голь подзаборную.

Обернулся Табаков белым кречетом —
И, как сетью, нас накрыл небом клетчатым.
А потом пустил ползучую братию
В каждой клетке удавить демократию.

Табаков пробормотал озадаченно:
«То конина на столе, то собачина.
Православная казна раскулачена —
В общем, всё не в ту п...у за...ячено».

Разоренный мастер

Какой-то злой, отчаянный двойник
Украл фамилию и власть у Табакова.
Не слишком ли их много, двойников?

А настоящий Валька Табаков
Всю жизнь, как проклятый, спины не разгибая,
В конюшне под названием НИИ,
Пока трамвай научного прогресса
Ему не переехал левый глаз.

В фальшивом мире, мире двойников,
Где все навъиворот, где царствуют подлоги,
И где художники столпились у холста,
Червоным золотом рисуя чей-то профиль
И в жабу превратившийся портфель.

А разоренный мастер жил в саду
Среди обуглившихся ласточек и яблонь.

Карты на стол

Об авторе

Медведь спросил у крокодила:
«Ты в математике силён?»
Я что, вот Паронджанов — сила!
Он чёрен, да еще умён.

Юрий Примашев

Волнуются армяне,
Ликует Ереван.
Приехал мыться в бане
Товарищ Паронджан.

Дмитрий Лондон

По матери я — Архангельский (отсюда Архангел), по отцу — Паронджанов (поэтому Джан).

Прозвище «Джан» придумал Директор. Это был Человек-Солнце. Именно он сотворил Аксаково и склеил половинки февралей в нескончаемый праздник дружества и безудержного веселья. Это он сделал меня аксаковским поэтом, а Шурико — композитором.

Вечер. Директорский люкс битком — человек двадцать. Шурико закрепляет на «партитутре» стихи, которые я едва успел закончить пять минут назад, берет гитару. Несколько секунд смотрит на текст. И тут же — на глазах у всех — рождается мелодия, яркая, светлая, неповторимая.

Солируют Шурико и Таня, на второй гитаре шпарит Табаков, Ян сует в протянутые руки бубны, маракасы, трещотки и кричит: «Наливай!», все подхватывают и...

Компания настолько привыкла, что каждый вечер мы с Шурико должны выдать новую песню, что не оправдать ожидания было уже невозможно. В этой книжке наши лучшие аксаковские песни. Многие из них были мгновенным откликом на аксаковские события, например, «Любовь на кладбище». В песне — ни капли вымысла, все так и было в жизни (правда, там был не я, но это мелочь). Со временем эта история, обрастая фантастическими подробностями, стала местной легендой, которую аксаковские старожилы, захлебываясь от ужаса и восторга, передавали из поколения в поколение.

Когда Директора не стало, гитары выпали из рук, и наша бесшабашно юная вселенная навсегда распалась.

Больше мы не споем, как когда-то;
Расколовшись, померк белый свет.
Больше песен не будет, ребята,
Потому что Директора нет.

Прощай, Аксаково! Прощай, Директор, друг вечный!
Прощайте, золотые деньки!

Иллюстрации в книге скопированы из сети Интернет согласно лицензии Creative Commons с сайта <https://pixabay.com/>